Ст. Ивановичъ

ПЯТЬ ЛѢТЪ БОЛЬШЕВИЗМА

Начала и концы

1922
Изданіе журнала «Заря»
Берлинъ

Ст. Ивановичъ
Пять лѣтъ большевизма.

Печатано въ типографіи
P. Stankiewicz, Berlin.

Ст. Ивановичъ

ПЯТЬ ЛѢТЪ БОЛЬШЕВИЗМА

Начала и концы

1922
ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА «ЗАРЯ»
Берлинъ

НАЧАЛА

НОЧЬ...

Мы сидѣли въ густо накуренной редакціонной комнатѣ «Дня» и чутко прислушивались къ гулу орудій, обстрѣливавшихъ Зимній Дворецъ. Приходилъ изъ подвала, гдѣ помѣщалась типографія, ментранпажъ и приносилъ гранки очередного №. Было странно и дико смотрѣть на этого человѣка, который, то ли по своей профессіональной добросовѣстности, то ли по скудости своего политическаго горизонта, донималъ насъ въ этотъ моментъ техническими мелочами.

— Ставить?

— Ставьте...

На телефонѣ висѣлъ нашъ завѣдующій хроникой и вызывалъ Зимній. Приблизительно каждыя 15 минутъ удавалось соединиться. Мы знали какъ замыкается кругъ. Раза два пріѣзжали репортеры, которые побывали возлѣ наступавшихъ силъ. Ихъ разсказы ничего новаго не вносили. Все было ясно: черезъ часъ или два Временное Правительство станетъ добычей большевиковъ. Въ жуткой осенней ночи умретъ, изнасилованная и поруганная, весенняя свобода.

Кромѣ артиллеріи эта незабываемая ночь стонала еще тысячью тихихъ, но мучительно тревожныхъ голосовъ.

— Тише, — вы слышите?

Точно сразу сгустились всѣ эти стоны, что то глухо и мощно ударило.

Мы всѣ устремились къ телефону. Завѣдующій выбивался изъ силъ.

— Алло! кто говоритъ? Барышня, барышня, что же вы мѣшаете! Алло! Зимній? Кто у телефона?

Черезъ нѣсколько секундъ невыносимаго молчанія завѣдующій швырнулъ трубку на рычагъ. — Мерзавецъ! — крикнулъ онъ одновременно.

— Кончено, все кончено, господа.

— Кто? что сказалъ? — посыпались вопросы.

«Убирайтесь ко всѣмъ чертямъ!» — вотъ что онъ сказалъ. А спустя нѣкоторое время болѣе точно, но къ сожалѣнію нецензурно, передалъ слова пьянаго человѣка, захватившаго въ числѣ другихъ Зимній Дворецъ.

Убирайтесь всѣ къ... матери!

Съ этой похабной бранью на устахъ въ темную ночь родилась въ Россіи «соціалистическая республика».

I.

ВОЙНА.

О предвидѣніи.

Съ тѣхъ поръ прошло уже пять лѣтъ. Если бы тогда кто нибудь сказалъ, что этотъ режимъ столько продержится — его бы сочли сумасшедшимъ. Если кто нибудь теперь послѣ этихъ 5 лѣтъ скажетъ, что большевики продержатся еще 5 лѣтъ, его сочтутъ всего только... пессимистомъ.

Эта разница оцѣнокъ только показываетъ, до чего жалка и ничтожна была наша способность соціально-политическаго предвидѣнья. А вѣдь говорятъ, и правильно говорятъ, что безъ него невозможно никакое соціально-политическое дѣйствіе. Въ общественно-политической борьбѣ тотъ, кто не способенъ предвидѣть, не способенъ и видѣть.

Не помню гдѣ мнѣ пришлось прочесть такое изреченіе французскаго художественнаго критика: «настоящій художникъ сначала находитъ и послѣ лишь ищетъ». Такъ и настоящій общественно-политическій дѣятель. Онъ сначала находитъ общій смыслъ, движущую пружину, «духъ» своего времени, а затѣмъ лишь ищетъ путей для реализаціи, въ обстановкѣ своей «находки», своихъ практическихъ идеаловъ. Русская же демократія, по-

терпѣвшая пораженіе 25 октября, пошла обратнымъ путемъ, вынужденная, прежде чѣмъ найти, искать, и — кто станетъ это отрицать? — пошла искать путей преодолѣнія зла, если не ко всѣмъ, то къ слишкомъ многимъ «чертямъ».

Не нужно, однако, думать, что это измельчаніе духа предвидѣнія явилось только русской особенностью. Нѣтъ, этотъ недугъ поразилъ интеллектуальную сферу всего культурнаго міра. Мы ошиблись насчетъ возможности долголѣтняго большевизма. Но вотъ весь міръ вмѣстѣ съ нами ошибся — и какъ жестоко ошибся! — насчетъ возможности долголѣтней міровой войны. Самые свѣтлые умы думали, что этотъ катаклизмъ, именно въ виду его колоссальной внутренней напряженности, не сможетъ растянуться болѣе чѣмъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Народы не выдержатъ, государства не выдержатъ, само небо и сама земля не выдержатъ долго этой дикой схватки, въ которую вовлечены были, кромѣ милліоновъ людей, милліоны дьяволовъ природы, химіи, физики, индустріи, сгущенный геній человѣка, страшный и безграничный, когда онъ направленъ на изобрѣтеніе орудій и средствъ разрушенія.

Выдержали, однако, не только темно-безстрастная земля и свѣтло-безстрастное небо. Выдержали и люди и народы...

Необходимо подчеркнуть, что ошибка относительно войны была гораздо грубѣе, чѣмъ ошибка наша въ оцѣнкѣ возможной длительности большевизма. Какъ никакъ война д ѣ л а е т с я, а революція п р о и с х о д и т ъ. Можно быть заклятымъ детерминистомъ и признать, что была тысяча и одна неустранимыя причины, неизбѣжно породившія войну, и все же согласиться съ тѣмъ, что война, хотя ее и называютъ стихіей, въ неизмѣримо большей долѣ поддается раціональному вмѣшательству человѣческой воли, чѣмъ революція. Вопреки геніальнымъ характеристикамъ Л. Толстого ирраціональности войны — война все же въ общемъ и цѣломъ, а въ особенности въ XX вѣкѣ, раціональна. Вполнѣже ирраціональной является революція. А если это такъ, то предвидѣть гораздо легче въ области войны, чѣмъ въ области революціи. Слѣдовательно, ошибки сознанія и предвидѣнія относително войны гораздо болѣе печальное свидѣтельство интеллектуальнаго недуга, чѣмъ ошибки относительно русской революціи.

Это очень слабое, конечно, утѣшеніе для насъ, посланныхъ ко всѣмъ чертямъ, такъ жестоко обманувшихся насчетъ прочности или, вѣрнѣе, длительности большевистскаго режима, который прочнымъ никогда не былъ и не будетъ до самаго своего скончанія. Это и не утѣшеніе вообще, а наоборотъ указаніе на

болѣзнь, которая хуже, можетъ быть, самого большевизма. Во тьмѣ невѣдѣнія или, если допустимо такое слово, непредвидѣнія можно себѣ расшибить лобъ или выколоть глаза, напоровшись на любое дерево или сучекъ. Въ этомъ положеніи вы обречены или на авантюру или на пассивность. Здѣсь нѣтъ шаговъ осторожныхъ и неосторожныхъ. Здѣсь всякій шагъ — неосторожность. Здѣсь тѣни кажутся опаснѣйшими врагами, «превосходными силами непріятеля», и злая, могучая, напористая сила кажется тѣнью. Въ темную ночь, когда не видать ни зги, сбившійся путешественникъ въ ужасѣ замираетъ передъ вьющейся возлѣ его ногъ, еще болѣе темной, чѣмъ тьма ночная, линіей. Страшно! — одно движеніе и онъ разбился бы на днѣ глубокой пропасти. Онъ безсильно опускается на землю передъ выросшей бездной, засыпаетъ, мучимый тяжелыми кошмарами. Но вотъ брызнули первые лучи восхода и несчастный спутникъ видитъ передъ собою вмѣсто страшной пропасти невинную канавку, которую перешагнетъ и ребенокъ...

Хорошо, что ночь проходитъ и день приходитъ. Но въ какомъ состояніи встрѣтитъ путникъ восходящее свѣтило?

Большевизмъ предвидѣлъ то, что другіе не видѣли. Онъ предвидѣлъ, что ближайшіе годы пройдутъ въ Россіи подъ знакомъ хаоса, крушенія всѣхъ, самыхъ элементарныхъ

основъ общественной, экономической, культурной и практической жизни. Онъ — или будемъ говорить такъ: Ленинъ предвидѣлъ, что война, другіе народы разорившая, русскій народъ искалѣчитъ, физически и душевно искалѣчитъ, сломаетъ спинной хребетъ народа. Онъ зналъ, что отнынѣ на ближайшіе годы править балъ будетъ Сатана — и Сатанѣ, хаосу поклонился, включивъ свою партію въ ихъ чертовъ плясъ.

Вопреки обычному словоупотребленію именно партія Ленина была партіей войны, а всѣ партіи, противъ которыхъ она боролась, были партіями мира. И не даромъ, когда большевизмъ побѣдилъ, военное, воинское дѣло стало наиболѣе адекватнымъ выраженіемъ генія большевизма. Только большевики рѣшились духъ войны, ея ядъ, ея аморальную, звѣрскую, хаотическую стихію сдѣлать духомъ своей партіи. Они не только сдѣлались «партіей войны» въ указанномъ выше смыслѣ, они сознательно ею хотѣли сдѣлаться. Мы всѣ — оборонцы и интернаціоналисты, патріоты и пораженцы, либералы и революціонеры, больше думали о томъ, что война сдвинетъ съ мѣста границы государствъ, измѣнитъ соотношенія классовъ, бѣдности и богатства, труда и капитала. Большевики главнымъ образомъ думали о томъ, что война сдвинетъ человѣка съ мѣста, которое онъ занимаетъ въ природѣ, исказитъ его

ликъ, породнитъ его вновь съ древнимъ хаосомъ, который, казалось, онъ въ тысячелѣтіяхъ культурной эмансипаціи почти поборолъ.

Въ этомъ сущность большевистскаго предвидѣнія. Тотъ, кому приходилось съ ними спорить на митингахъ, кто ихъ видѣлъ въ работѣ до ихъ побѣды, не могъ не унести съ собою незабываемаго впечатлѣнія ставки, сознательной, безстыдно-откровенной, до конца доведенной ставки на хаосъ.

Если мы, слыша, какъ подъ тяжестью войны трещитъ спина народная, какъ надрывается организаціонно примитивная, физически нестойкая, рыхлая, культурно отсталая и граждански расхлябанная страна, думали, что, дотянувшись до общаго мира, она сумѣетъ выпрямиться, размять натруженные члены, то большевики ясно видѣли, что именно съ перешибленнымъ хребтомъ, искалѣченная, одичавшая отъ невѣроятныхъ мукъ, Россія дальше пойдетъ тѣмъ аллюромъ, который имъ угодно было назвать «коммунизмомъ», а нѣкоторымъ ихъ противникамъ «соціализмомъ».

Красная скотинка.

До и послѣ 25 октября противники большевизма строили свои предвидѣнія на томъ, что соціально-политическій процессъ — есть процессъ цѣлостный, включающій свои про-

тиворѣчія въ гармоническую цѣпь прогресса. До и послѣ 25 октября самъ большевизмъ строилъ свои предвидѣнія на томъ, что соціально-политическій процессъ — въ итогѣ войны распался на рядъ несмыкающихся звеньевъ, что гармоническая цѣпь рухнула, что противорѣчія долго еще не разрѣшатся, что міръ распался и на оголенномъ міровымъ пожарищемъ мѣстѣ, станетъ голый, искалѣченный человѣкъ, которому все ни по чемъ. Этого человѣка большевики искали на фронтѣ, среди дезертировъ, среди деклассированныхъ массъ деревни и города, среди разношерстныхъ толпъ, втянутыхъ военно-промышленной вакханаліей въ горячее пекло индустріи. И этого человѣка они нашли въ количествахъ достаточныхъ для того, чтобы стихійной лавиной затопить разрозненные экземпляры человѣка-гражданина.

Его именно, человѣка-гражданина, искала демократія. На немъ она должна была и хотѣла строить. Демократія мартовской революціи не могла, не измѣняя себѣ, строить на силахъ хаоса. Поэтому, если бы даже она въ большей мѣрѣ оцѣнила ихъ роль, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, она все равно должна была бы пойти противъ нихъ, а не за ними. Но она ихъ роль не дооцѣнила и поэтому такъ слабы, нерѣшительны и непослѣдовательны были ея мѣры борьбы съ источниками и проявленіями хаоса. Разница пред-

видѣнія заключалась въ томъ, что большевизмъ предвидѣлъ своихъ друзей, а демократія не предвидѣла своихъ враговъ. Несчастье однако состояло въ томъ, что если бы даже революціонная демократія и дала себѣ полный отчетъ въ тѣхъ силахъ анархіи, разложенія, хаоса, которыя скопились къ тому моменту въ Россіи — она все равно въ то время не нашла бы въ странѣ тѣхъ элементовъ, которые съ жестокой, а иной она быть не могла, схваткѣ могли бъ раздавить силы хаоса. Демократія, которая не была въ состояніи идти по линіи хаоса, вынуждена была искать *равнодѣйствующую* линію между силами хаоса и идеалами демократіи. Но она не была въ состояніи найти достаточно мощную силу, *противодѣйствующую* хаосу. Распятая вмѣстѣ съ другими странами на крестѣ міровой войны, Россія не только не могла самостоятельно устранить причину хаоса до рѣшенія міровой войны, но не могла и преодолѣть большевистскія послѣдствія войны, потому что она вошла въ нее гораздо болѣе слабой, чѣмъ другія страны и гораздо сильнѣй въ ней пострадала. Невзгоды, ужасы войны — физическіе и моральные — не могли такъ глубоко подорвать устои человѣческаго общежитія, въ странахъ запада, какъ въ нашей бѣдной, убогой Россіи. И поэтому, когда послѣвоенная судорога — большевизмъ, временами охватывалъ ту или иную часть за-

паднаго міра, реакція всего организма получалась страшно повышенная, рѣшительная, и пролетаріатъ, выдѣлявшій Спартакуса на одномъ полюсѣ, выдѣлялъ Носке на другомъ.

Русскій большевизмъ зналъ и не только зналъ, но оцѣнилъ эту рыхлость и нестойкость русскаго народа. Еще въ 1902 г. Ленинъ, будучи соціалдемократомъ, мечталъ о построеніи партіи, на основѣ «способной къ подчиненію массы». Изъ рабочаго класса онъ собирался лѣпить тѣ или иныя фигуры, въ твердой увѣренности, что это мягкая, рыхлая глина, съ которой можно дѣлать что угодно. Идеологія или вѣрнѣе апологія пролетаріата у Ленина была въ основѣ своей построена на чувствѣ глубочайшаго къ нему презрѣнія, питавшагося полной увѣренностью въ томъ, что «красная скотинка», роковой аналогъ «сѣрой скотинки», пойдетъ туда и сдѣлаетъ то, куда и что прикажутъ деміурги исторіи — «профессіональные революціонеры». Эта сѣрая скотинка, ставшая красной, явилась главной опорой «соціалистическаго строительства», и милитаризація всѣхъ сторонъ жизни въ Россіи являлась только организаціоннымъ выраженіемъ этого презрѣнія къ людскому быдлу.

Война и здѣсь сыграла роковую роль. Если на Западѣ мертвящій духъ военной дисциплины нейтрализовался и внутренне освящался сознаніемъ національной цѣли, худо ли — хорошо ли понятой, то въ Россіи, бла-

годаря соціально-примитивному антипатріотизму, или вѣрнѣе апатріотизму темныхъ массъ, эта военная муштра, эта убивающая душу дисциплина, этотъ вызванный войной размахъ жестокости, аморальности ничѣмъ почти не ослаблялись, нисколько почти не сочетались съ тѣми идеальными чувствами, мыслями и настроеніями, какія, праведно или неправедно, носили въ своей душѣ и въ своемъ сознаніи массы западнаго міра, вошедшія, втянутыя или вогнанныя въ преисподнюю міровой схватки.

Большевизмъ учелъ эту духовную опустошенность милліоновъ русскихъ бойцовъ, для которыхъ война была только школой страданія, школой боли, школой ненависти, жестокости, звѣриной лютости, но не школой борьбы за родину, за независимость, за смутные ли, ясные ли, праведные ли или неправедные — но все же идеалы. Большевизмъ учелъ это все и далъ рядъ простыхъ, ясныхъ, какъ воинская команда лозунговъ:

Запирайте этажи —
Нынче будутъ грабежи...

Долой! До-лой! Вложите въ этотъ возгласъ боль, сумятицу воспаленнаго сознанія, нечеловѣческія муки милліоновъ голодныхъ, продрогшихъ, изъѣденныхъ паразитами темныхъ, вѣками рабства истощенныхъ духовно

и физически людей и вы близко подойдете къ загадкѣ торжества большевизма.

Когда-нибудь можно будетъ написать исторію русскаго рабочаго класса во время войны. Это будетъ мрачной, потрясающей трагичности страница изъ исторіи русской культуры вообще. Но здѣсь необходимо только указать, что октябрьскій переворотъ засталъ совсѣмъ не тотъ соціальный объектъ, который служитъ обычнымъ матеріаломъ въ рукахъ историка русскаго рабочаго движенія. Это были массы, безумно истощенныя—матеріально, физически и нравственно истощенныя эпохой военно-промышленной гонки. Въ рыхлую, нестойкую среду ворвалась бѣшеная индустріальная горячка съ ея военно-террористической хваткой, съ карательной санкціей въ видѣ «передовыхъ позицій», а главное съ вовлеченіемъ въ индустріальное пекло огромныхъ толпъ мѣщанства, деревенщины, толкаемыхъ разореніемъ и боязнью мобилизаціи прямо въ пасть индустріальнаго Молоха, который потрясъ этихъ людей до самыхъ основъ ихъ душевнаго и умственнаго строя. И все это въ обстановкѣ военной и спекулятивной вакханаліи, ничѣмъ не ограниченнаго господства идеи грубой силы, въ атмосферѣ готтентотской морали, столь характерной для военныхъ эпохъ. Взбаламученное море соціальныхъ отбросовъ, классовая окрошка и мѣшанина, больное въ сущности поколѣніе, стра-

дающее припадками психическихъ эпидемій (вспомнимъ знаменитыя массовыя «отравленія» въ Петербургѣ)—вотъ тотъ «рабочій классъ», который послужилъ большевикамъ матеріаломъ для построенія своего царства. Въ этомъ и сказался геній большевизма, что онъ съумѣлъ подчинить себѣ это военно-соціальное мѣсиво, сдѣлавъ его больную, исковерканную душу, его жадную нищету и нищенскую жадность исходнымъ пунктомъ «соціалистической революціи».

*

Большевизмъ кончаетъ въ Россіи войну. Такъ огромная волна, вздыбившаяся на міровыхъ просторахъ океана, приходитъ къ берегу шумнымъ всплескомъ безчисленныхъ отбросовъ, обломковъ, грязи, морской гнили и падали, поднятыхъ со дна грозной бурей. Эта буря пригнала грязный всплескъ къ нашимъ берегамъ. Пять лѣтъ Россія безсильно, безпомощно подъ нимъ барахтается. И если подойти къ вопросу о длительности большевистскаго владычества съ изложенной выше точки зрѣнія, то самый этотъ вопросъ: почему большевики такъ долго, такъ невыносимо долго владѣютъ Россіей — рисуется въ совершенно иномъ свѣтѣ. Если большевизмъ — эпилогъ войны, то масштабы для его измѣренія — не русскіе масштабы, а всемірно историческіе. Въ этомъ разрѣзѣ взятый большевизмъ, не

задержавшійся эпизодъ русской революціи, а преходящій моментъ въ исторіи великаго столкновенія народовъ, который на большевизмѣ не кончится.

Обольшевиченная Россія — плѣнница злой воли и злого безволія тѣхъ же самыхъ силъ, которыя создали нынѣшній хаосъ, раньше именовавшійся войной, а теперь «миромъ». Въ этомъ хаосѣ — большевизмъ не болѣе изумителенъ, не болѣе алогиченъ, чѣмъ весь тотъ международный кавардакъ, который нынѣ царствуетъ въ Европѣ, чѣмъ франкъ равный 56-ой долѣ англійскаго фунта, марка равна 20-ой долѣ франка и австрійская крона, равная $^1/_7$ сантима*). Все это одно и тоже. Одна и та-же судорога потрясеннаго міра. Большевизмъ, царствующій въ темной странѣ, не болѣе удивителенъ, чѣмъ хаосъ, царствующій въ Европѣ. И то и другое имѣютъ свои собственные источники, но то и другое взаимно другъ другомъ питается. И когда кончится хаосъ въ Европѣ, кончится и большевизмъ, а когда кончится большевизмъ, кончится и европейскій хаосъ. Въ какомъ порядкѣ, въ какомъ пунктѣ раньше закончится міровая война — я не берусь сказать. Но на обычно задаваемый вопросъ: «почему такъ долго задержался въ Россіи большевизмъ», здѣсь кроется, какъ мнѣ кажется, отвѣтъ.

*) Курсы середины октября 1922 г.

Онъ задержался потому, что міръ въ цѣломъ не въ состояніи до сихъ поръ выскочить изъ трясины, въ которую его загнала война и глубже всѣхъ загнала Россію.

II.

РЕВОЛЮЦІЯ.

Что скажетъ историкъ?

Если съ точки зрѣнія всемірно-историческаго конфликта большевизмъ только моментъ заканчивающейся міровой войны, то съ точки зрѣнія русской революціи большевизмъ все еще остается мучительной, невыносимо-долгой трагедіей. Въ дни 5-ти лѣтняго юбилея большевистскаго владычества чувство тяжкаго пораженія давитъ сознаніе острой, жгучей болью...

Какъ! Революція, начавшаяся въ февралѣ 1917 г. по поводу того, что въ Петербургѣ прекратили выпечку хлѣба 10—15 пекаренъ, можетъ терпѣть режимъ, превратившій плодороднѣйшія равнины въ мертвую пустыню, на которой умираютъ милліоны прежнихъ кормильцевъ всей Европы?

Можно задать десятки подобныхъ же недоумѣнно негодующихъ вопросовъ. Въ нихъ

можно выразить всю боль пораженія, но нельзя найти точки опоры въ хаосѣ злыхъ парадоксовъ революціи. Эти точки обыкновенно находятся спустя много времени послѣ того, какъ «все это» кончается. Спустя 100 лѣтъ послѣ конца Великой Французской Революціи буржуазный историкъ Оларъ, объективно изслѣдуя эпоху террора, рисуетъ ее въ чертахъ столь спокойныхъ и даже мягкихъ, что намъ, современникамъ большевистскихъ ужасовъ, становится безконечно больно и обидно за страданія родины и великаго народа: неужели повѣсть нашихъ ужасныхъ лѣтъ напишутъ такъ же спокойно и мягко? Неужели наши Олары такъ же спокойно методически будутъ изобличать въ лжи, подлогахъ, искаженіяхъ, цитированіи несуществующихъ документовъ нашихъ Тэновъ? Неужели ураганъ краснаго террора, разбушевавшійся послѣ убійства Урицкаго, будетъ изображенъ нашимъ Оларомъ также сдержанно, извинительно, какъ это дѣлаетъ французскій Оларъ, изслѣдуя сентябрьскія убійства Великой Революціи?

Мы знали хорошо духовный обликъ великаго гуманиста и трибуна Жореса. По всему складу своего міроощущенія, по своимъ тактическимъ взглядамъ, по роли его въ международной борьбѣ пролетаріата, по своимъ интеллектуальнымъ интересамъ Жоресъ, если брать термины Великой Революціи, былъ жирондистомъ. Но на вопросъ о томъ, гдѣ бы

онъ сѣлъ въ Конвентѣ, онъ, не колеблясь, отвѣтилъ, что сѣлъ бы онъ на скамьи якобинцевъ. И Жоресъ — «реформистъ», «оппортунистъ», и какіе еще ярлычки къ нему подвѣшивали — оправдалъ якобинизмъ, оправдалъ вопреки грязи, крови, неслыханнымъ преступленіямъ, ознаменовавшимъ господство горы. Что же, произойдетъ что нибудь подобное и съ нашимъ большевизмомъ?

Какъ бы мы ни старались, мы теперь не можемъ подняться на ту высоту объективности, какая дается людямъ, имѣющимъ дѣло не съ людьми и событіями, а съ документами о нихъ. Самые плохіе свидѣтели событій это ихъ участники. Мы же не свидѣтели, а стороны въ роковой тяжбѣ. Чтобы будущій судья могъ вынести справедливый и объективный приговоръ, участники «состязательнаго процесса» исторіи должны вложить въ него всю страсть и весь пылъ одушевляющихъ ихъ интересовъ. Иначе говоря, для того, чтобы дать возможность будущимъ нашимъ Оларамъ быть въ высшей мѣрѣ объективными, мы, участники событій, должны быть въ высшей мѣрѣ субъективными и не отбивать хлѣбъ у будущихъ историковъ Россіи незаконными попытками стать по ту сторону добра и зла.

Для будущаго историка, нѣтъ никакого сомнѣнія, большевизмъ будетъ включенъ въ единую цѣпь русской революціи. Съ этимъ могъ бы согласиться и современникъ и участникъ событій, если только подъ революціей понимать циклъ потрясеній, лежащій посрединѣ между двумя органическими періодами развитія. Но у участниковъ революціи существуетъ законная и понятная тенденція понимать подъ революціей не всю сумму событій критическаго періода болѣе или менѣе катастрофическаго характера, а только тѣ изъ нихъ, которыя идутъ по линіи ихъ интересовъ, ихъ цѣлей, ихъ взглядовъ и программъ. Поэтому для консервативныхъ элементовъ русскаго общества, пріявшихъ революцію, она кончилась, выродилась, умерла черезъ недѣлю-двѣ послѣ отреченія Николая, когда вошелъ въ силу Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ; для демократіи она потерпѣла жестокое пораженіе въ октябрѣ 1917 г. 5 лѣтъ назадъ, а для большевиковъ она только тогда началась и кончится, когда Россіи удастся собрать всенародный учредительный органъ, вышедшій изъ всеобщаго избирательнаго права.

Для насъ пять лѣтъ тому назадъ побѣдила не революція, ибо въ этомъ словѣ для насъ не описаніе событій, а и ихъ оцѣнка, а контръ-революція. Революція, говорилъ Жоресъ, это варварская форма прогресса. Но варварская форма регресса ни коимъ образомъ революціей названа быть не можетъ. Ибо только прогрессъ оправдываетъ неустранимое варварство революціоннаго метода. Большевизмъ же какъ разъ обозначалъ торжество

началъ регресса въ циклѣ событій, начавших-ся весною 1917 г. Черезъ 5 лѣтъ большевизмъ, повернувъ вспять отъ «коммунизма» къ капитализму, самъ въ этомъ признался и расписался.

Нашъ политическій и соціологическій словарь знаетъ такіе термины какъ «мирная революція», «промышленная революція», «аграрная революція» и т. п. Теорія Эйнштейна — это «революція въ наукѣ» о движеніи, времени, массѣ. Всѣ эти примѣненія слова «революція» сходны въ томъ отношеніи, что имъ обозначается болѣе менѣе быстрый, рѣшительный, коренной сдвигъ въ сторону высшихъ формъ жизни, труда, знанія. Въ общественно-политическихъ явленіяхъ не все такъ ясно и просто, но общіе контуры, общую ихъ тенденцію, характеръ ихъ направленности уловить все же можно и должно. И съ этой точки зрѣнія, если подъ революціей понимать не сумму событій, лежащихъ между старымъ строемъ и новымъ, а опредѣленный ихъ комплексъ, лежащій по линіи соціальнаго, экономическаго и культурно - политическаго прогресса, то большевизмъ включать въ цѣпь русской революціи нельзя, а надо его выдѣлить изъ потока событій, какъ явленіе антиреволюціонное или контръ-революціонное.

Дѣло тутъ даже не только въ террорѣ, въ звѣрствахъ и преступленіяхъ, или въ ка-

чественной низости огромнаго большинства большевистскихъ агентовъ — великихъ и малыхъ. Варварство и революція, въ особенности тяжело дающаяся революція, столь же нерасторжимы какъ варварство и война. Но эта варварская форма должна все же быть формой прогресса, а не формой регресса. Если бы Дзержинскій занимался не тѣмъ, чѣмъ онъ занимается, а исключительно утираніемъ слезъ бѣдныхъ вдовицъ, большевизмъ все же не пересталъ бы быть ярко выраженной контръ-революціей.

Олары и Жоресы потому такъ снисходительно отнеслись къ варварству французской революціи, что тогда оно было формой, въ которую отлилось восходящее, поступательное движеніе французскаго народа. Это было варварской формой прогресса. То неистовство французской революціи эпохи Конвента было порождено національной защитой противъ внѣшняго врага. Наше же варварство родилось не изъ движенія національной защиты, а изъ движенія національнаго предательства. Тѣ Дзержинскіе состояли при Дантонахъ, призывавшихъ къ оружію противъ внѣшняго врага, наши же Дзержинскіе состояли при Крыленкахъ, призывавшихъ въ похабному миру поротно и повзводно. Тамъ для Крыленокъ пожалѣли бы даже гильотины, а вѣшали бы ихъ просто на фонаряхъ. Здѣсь въ

«штабъ Духонина» отправляли наиболѣе энергичныхъ дѣятелей національной защиты.

Вотъ почему большевизмъ даже минусъ терроръ является контръ-революціей, если допустить, что возможенъ большевизмъ минусъ терроръ. Вотъ почему якобинизмъ плюсъ терроръ являлся революціей, хотя этотъ терроръ принималъ самыя варварскія и отвратительныя формы, опускаясь часто на лучшія, свѣтлыя головы тогдашней Франціи. Я думаю, что будущіе наши историки оцѣнятъ эту разницу и намъ изъ гробовъ своихъ не придется, можетъ быть, подниматься, чтобы напомнить о великихъ и напрасныхъ страданіяхъ великаго народа.

Что такое «пріятіе революціи?»

Есть, однако въ Россіи и въ эмиграціи не мало людей, которые именно потому пріемлютъ положительно большевизмъ, что пріемлютъ положительно революцію, всю революцію во всѣхъ ея стадіяхъ. Они въ большевистской стадіи видятъ такое же проявленіе «разума» исторіи, какъ и въ ея предыдущей стадіи — мартовской. Есть единый процессъ превращенія старой Россіи въ новую Россію и въ этомъ процессѣ благословенна и исторически праведна всякая ступень, какъ бы она ни была залита кровью и грязью, какіе бы

фанатическіе лжецы и вдохновенные обманщики на ней ни стояли.

Эта точка зрѣнія, находящая себѣ все больше распространенія, соблазнительна внѣшнимъ покровомъ объективности и «научности». Въ извѣстномъ смыслѣ она насъ возвращаетъ къ временамъ ранняго русскаго гегельянства, когда все дѣйствительное находили разумнымъ. Бѣлинскій на этомъ основаніи благословилъ самодержавіе.

Намъ нѣтъ нужды возвращаться къ философскимъ истокамъ этой концепціи. Нужно только отдать себѣ отчетъ въ томъ, что мы понимаемъ, когда произносимъ слово «революція». Если подъ этимъ мы понимаемъ рядъ событій, лежащихъ между старымъ строемъ отношеній и новымъ, принявшимъ органическій характеръ, то тогда, конечно, большевизмъ входитъ реальнымъ членомъ въ этотъ отрѣзокъ исторіи, входитъ въ революцію. Его тогда нужно принять. Но тогда нужно принять и самыя энергичныя, самыя рѣзкія формы проявленія борьбы съ большевизмомъ. Ибо эта борьба столь же неотъемлемая часть революціоннаго періода, какъ тѣ институты и люди, противъ которыхъ борьба эта направлена. Съ этой точки зрѣнія революція — это не только временное правительство и совѣтъ народныхъ комиссаровъ, но и Колчакъ, Деникинъ, Петлюра, зеленые, черные, бѣлые и всякіе иные.

Если революція — это промежутокъ историческихъ конвульсій между двумя органическими періодами развитія, то въ этотъ промежутокъ, то есть въ эту «революцію» надо включить не только тѣ моменты, которые намъ съ той или иной точки зрѣнія нравятся или кажутся разумными, но и всѣ тѣ моменты, которые вызываютъ наше отвращеніе и кажутся намъ безумствами. Въ такомъ видѣ большевизмъ пріемлютъ всѣ, безъ различія партійныхъ и общественныхъ окрасокъ.

Можетъ быть и иная точка зрѣнія, болѣе примирительная по отношенію къ большевизму. Въ русскихъ деревняхъ, да кажется и во всей Россіи полагаютъ, что всѣ дѣти обязательно должны переболѣть корью. Поэтому, когда гдѣ нибудь заболѣваетъ ребенокъ, сосѣди тащутъ своихъ здоровыхъ дѣтей въ избу къ больному, дабы и они переболѣли. У культурныхъ народовъ этого нѣтъ. Корь — не обязательная болѣзнь. Можно на большевизмъ смотрѣть, какъ на такую обязательную корь, которой обязательно должна переболѣть вся Россія. Да часто и приходится слушать такія разсужденія: вся Россія должна переболѣть большевизмомъ. Можно пойти дальше и сказать, что большевизмъ это историческая Немезида для народа, слишкомъ небрежно относившагося къ праву и свободѣ. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія большевизмъ разуменъ и въ качествѣ явленія разумнаго,

его надо принять. Но тогда сторонникамъ большевизма надо принять и всѣ безконечныя трагическія попытки избавиться отъ этого «разума», во имя разума иного.

Совершенно очевидно, что стоя на этой точкѣ зрѣнія, мы далеко не пойдемъ въ уразумѣніи россійскихъ событій и не найдемъ опорныхъ точекъ для того или иного участія въ нихъ. Эта концепція слишкомъ широка для того, чтобы общественно-политическая мысль могла оріентироваться въ своихъ ближайшихъ практическихъ политическихъ задачахъ. Это — точка зрѣнія квіетизма, пассивности, выбрасывающей изъ общественнаго сознанія моментъ цѣли и моментъ воли. Здѣсь слово «революція» ровно ничего не объясняетъ и слишкомъ часто покрываетъ мантіей принципіальности всякаго рода угодничество передъ новыми хозяевами, стремленіе родными счесться съ тѣми, кого судьба вознесла высоко. Здѣсь всякій обыватель, ведущій коммерцію съ большевистскимъ внѣшторгомъ, охотно пріемлетъ революцію, столь же охотно, сколь онъ пріемлетъ вытекающіе изъ сношеній съ внѣшторгомъ барыши.

Въ иномъ порядкѣ и въ иномъ освѣщеніи располагаются событія, учрежденія и люди, если внести въ понятіе революціи моментъ цѣли. Тогда революціей является все то, что ведетъ народъ и страну къ болѣе высокимъ формамъ экономической, политической и куль-

турной жизни. Тогда изъ хаоса сталкивающихся событій нужно выбирать тѣ изъ нихъ, которыя идутъ по линіи этой цѣли. Тогда можно принять и большевизмъ, но не потому, что онъ — революція, а потому, что съ точки зрѣнія прогрессивнаго развитія страны, большевизмъ представляется данной личности явленіемъ, идущимъ по линіи экономическаго, политическаго и культурнаго прогресса. Тогда все, что не большевизмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и не революція.

Всю «революцію», то есть весь хаосъ противорѣчивыхъ событій принять невозможно. Недаромъ въ политической словесности существуетъ понятіе «контр-революція», которое обозначаетъ не столько выступленіе какой либо партіи противъ власти, появившейся въ періодъ историческихъ конвульсій, сколько такое ея выступленіе, которое противорѣчитъ основнымъ тенденціямъ общественно политическаго развитія. Поэтому большевизмъ правъ, когда, считая себя революціей, онъ всѣ остальныя партіи считаетъ контр-революціей, въ томъ числѣ и тѣ изъ нихъ, которыя пріемлютъ большевизмъ.

Контр-революція — это понятіе регресса, какъ революція — понятіе прогресса. Различныя политическія партіи могутъ расходиться въ вопросѣ о томъ, что прогрессивно и что регрессивно, но признавать революціей все содержаніе опредѣленнаго историческаго періода — значитъ уподобиться Лукѣ изъ «На днѣ» Горькаго, признавая, что ни одна блоха не плоха, лишь бы она прыгала по тропинкѣ историческаго катаклизма. Куда прыгаетъ, направленіе движенія общественныхъ силъ — все это становится безразличнымъ. Все смѣшивается въ одну кучу и воистину не знаешь, правая, лѣвая — гдѣ сторона.

Противъ этого приходится рѣшительно протестовать. Пусть кому нравится, пріемлетъ большевизмъ, но не потому, что онъ — революція, а потому, что онъ совершилъ такія то и такія то дѣянія, которыя въ данномъ случаѣ рисуются дѣяніями положительными. Или пусть эти дѣянія будутъ революціей въ собственномъ смыслѣ этого слова. Тогда все, что направлено противъ этихъ дѣяній, что стоитъ съ ними въ принципіальномъ противорѣчіи — все это будетъ контр-революціей, борьба съ которой должна быть безпощадной. Если отмѣна частной собственности — это революція, то сторонники возстановленія частной собственности — контр-революціонеры. Если уничтоженіе элементарныхъ правовыхъ гарантій — это революція, тогда сторонники конституціоннаго режима и учредительнаго собранія — контр-революціонеры. Если чека — это революція, то Habeas Corpus Act — контр-революція. Но чтобы и то, и другое, и третье было одновременно или революціей, или контръ-революціей — это такая степень

«объективности» и «научности», которая убиваетъ всякую возможность цѣлесообразно направленнаго общественнаго дѣйствія и годится развѣ только для тѣхъ, которые въ нашей грѣшной жизни питаются исключительно медомъ и акридами кабинетной философіи.

Изъ всего предыдущаго нисколько однако, не вытекаетъ признаніе большевизма «случайностью», «недоразумѣніемъ», промахомъ не доглядѣвшей демократіи. Кто же станетъ отрицать, что контр-революціи столь же «естественны», какъ и революціи? Сколько и нынѣ еще охотниковъ заднимъ числомъ разсуждать на тему о томъ, что если бы въ іюлѣ 1917 г. Временное Правительство не выпустило Троцкаго, а вмѣсто того уплотнило бы его камеру Ленинымъ, Зиновьевымъ и т. п., если бы Керенскій не пошелъ противъ Корнилова, то большевизма бы не было! Садуль въ своихъ запискахъ, изданныхъ въ Совдепіи на французскомъ языкѣ, утверждаетъ, что Г. В. Плехановъ говорилъ ему о необходимости вызвать большевиковъ на улицу и устроить имъ кровавую баню, которая окончательно избавила бы отъ нихъ Россію. Я сомнѣваюсь, говорилъ ли это Плехановъ Садулю, но сколько есть охотниковъ разсуждать именно такимъ образомъ!

Нечего говорить о томъ, что въ этихъ сужденіяхъ обнаруживается большая слѣпота ихъ авторовъ. Какъ я пытался показать выше, большевизмъ былъ данъ, и былъ данъ неустранимо, обстановкой жестокой міровой бойни. И какъ разъ то обстоятельство, что Троцкаго выпустили, что Ленина не арестовали, что кровавой бани большевикамъ не устроили, только подчеркиваетъ до чего большевизмъ былъ неустранимымъ факторомъ политическаго и соціальнаго развитія послѣднихъ лѣтъ. Это нисколько не оправдываетъ Временное Правительство въ его слабости, нерѣшительности, непонятномъ благодушіи по отношенію къ большевикамъ, но во всякомъ случаѣ историческая проблема большевизма этимъ ничуть не рѣшается. Арестомъ взломщика нисколько не рѣшается проблема преступности, хотя плоха та полиція, которая боится арестовать взломщика.

Большевизмъ не былъ созданъ германскимъ генеральнымъ штабомъ, а былъ данъ міровой войной, въ которой участвовали всѣ генеральные штабы, въ томъ числѣ и русскій. Всѣ, вынужденные вести войну, тѣмъ самымъ вынуждены были ввести большевизмъ въ потокъ несчастій, обрушившихся на культурный міръ. Русская контр-революція стала большевизмомъ и большевизмъ сталъ русской контр-революціей въ итогѣ непреоборимыхъ въ то время и на это время разрушительныхъ дѣйствій международнаго помѣшательства. Когда окончательно выяснится вопросъ о подкупѣ Ленина германскимъ штабомъ, когда Эд.

Бернштейнъ прольетъ полный свѣтъ на сдѣланныя имъ заявленія, то это обстоятельство не только не опровергнетъ закономѣрности большевизма, но наоборотъ, еще болѣе подчеркнетъ связь его со всей системой отношеній, созданныхъ ходомъ міровой войны. И будущіе историки — я прошу у нихъ извиненія, — если они захотятъ быть добросовѣстными и объективными, должны будутъ на этой связи остановить свое сугубое вниманіе.

Большевизмъ сталъ русской контр-революціей. Не столько потому, что онъ убивалъ, преслѣдовалъ, надругался надъ людьми, органами и соціально-политическими достиженіями русской революціи, сколько потому, что онъ далеко погналъ назадъ всѣ проявленія народной жизни къ ступенямъ, казалось, преодолѣннымъ. Онъ сталъ реакціей не только въ сравненіи съ достиженіями мартовской революціи — онъ сталъ реакціей въ сравненіи съ достиженіями послѣднихъ лѣтъ самодержавія.

Большевизмъ и паѳосъ революціи.

Но, если большевизмъ былъ и сталъ реакціей по соціально-политическимъ результатамъ своего владычества, то можетъ быть онъ былъ революціей по своему внѣшнему облику и внутреннему психологическому напряженію?

Эта сторона дѣла является чрезвычайно важной для оцѣнки большевизма. Ибо, какъ

ни важны соціально-политическія послѣдствія какого нибудь движенія, для уразумѣнія его исторической цѣнности нельзя обойтись безъ анализа его психологическихъ пружинъ, его моральнаго стержня. Здѣсь между вождями и поднятой ими массой часто обнаруживается глубокая пропасть. Душа массъ въ періоды историческаго катаклизма и душа вождей могутъ обнаружить совершенно несходный обликъ. И вотъ, обращаясь къ душѣ вождей, нужно сказать, что въ исторіи революцій трудно найти примѣры такого безграничнаго и безстыднаго оппортунизма, какимъ себя и въ теоріи и въ практикѣ обезсмертила эта архиреволюціонная власть. Ни одна власть во имя своего сохраненія не шла на такое грубое попраніе путемъ дутыхъ и напыщенныхъ софизмовъ своихъ принциповъ, исповѣдуемыхъ или только провозглашенныхъ, какъ власть совѣтская. Тѣмъ болѣе не жертвовали такъ легко своими принципами партіи революціонныя — вѣрнѣе и шире — партіи, дѣйствовавшія въ революціи. Революція характерна именно этой несгибаемостью, заклятымъ упорствомъ, съ какимъ партіи, борющіяся за власть или ставшія у власти, отстаиваютъ свои принципы. Въ этомъ величіе революцій и ихъ трагическая мощь. Взошедшая на арену революціи, партія или соціально-политическая группа хочетъ побѣдить, но она уже тѣмъ самымъ, что заноситъ

ногу на подмостки Исторіи, готова умереть подъ сѣнью вынесенныхъ ею знаменъ. Въ этомъ паѳосъ революціи. Но этого паѳоса нѣтъ у большевизма. Онъ занесъ ногу на историческіе подмостки, предварительно сдѣлавъ бухгалтерскій подсчетъ въ брошюрѣ Ленина, самое заглавіе которой убійственно безпринципно: «могутъ ли большевики удержаться у власти?» Вы понимаете въ чемъ вопросъ... Не въ томъ, могутъ ли большевики осуществить свою программу, а въ томъ, могутъ ли они удержаться у власти. И въ соотвѣтствіи съ этимъ слѣдовали расчеты: 100.000 тысячъ николаевскихъ столоначальниковъ могли править Россіей — почему ею не сумѣютъ править 100.000 ленинскихъ столоначальниковъ? И въ соотвѣтствіи съ этимъ тотъ же Ленинъ до переворота на съѣздѣ совѣтовъ лѣтомъ 17 года считалъ: надо арестовать 50 капиталистовъ, и тогда...

Большевизму чужда мысль о смерти въ томъ революціонномъ смыслѣ, какой я характеризовалъ выше. Вопросъ вѣдь идетъ о томъ, могутъ ли большевики удержаться у власти. Отвѣтъ психологически неизбѣженъ: могутъ. Стоитъ только безконечно измѣнять своимъ принципамъ и въ послѣдующей измѣнѣ измѣнять предыдущей. Это называется «передышкой», «временной уступкой», «диверсіей» — какъ угодно. Важно одно: могутъ ли большевики удержаться у власти...

Такъ не разсуждала никогда ни одна партія революціоннаго времени. Такъ не разсуждали ни якобинцы, ни жирондисты, ни роялисты, ни Конвентъ, ни Директорія. Такъ не разсуждали ни черная сотня, ни совѣты 1905 года. Тутъ жертвовали жизнью ради принциповъ, а не принципами ради жизни.

Только въ старыхъ наслѣдственныхъ монархіяхъ, прочно вросшихъ въ землю, можно еще найти въ психологіи правящихъ элементовъ эту непоколебимую увѣренность въ пріоритетѣ существованія династіи надъ всѣми бурями и грозами соціально-политическаго потока жизни. Здѣсь увѣренность въ томъ, что все минется, одна династія останется, — служитъ психологической базой личнаго самоутвержденія царствующаго рода и его приближенныхъ. Но эта психологическая база создается вѣками, во всякомъ случаѣ поколѣніями фактическаго пребыванія у власти и въ это время растетъ въ царствующемъ домѣ увѣренность въ томъ, что не придется встрѣтиться лицомъ къ лицу со смертью-матушкой.

Большевики же, будучи совсѣмъ еще молоденькими, сразу же стали окончательно «безсмертными». Сразу же заявили: меня не надо вѣшать, и уже ни за что не хотѣли умереть, готовые спустить всю свою принципіальную одеженку, лишь бы имѣть возможность на вопросъ: «удержатся ли большевики у власти» отвѣтить взволнованно-трусливо; да, да, да.

Разсматриваемый съ этой стороны, большевизмъ — это только особый, глубоко оригинальный, послѣдовательно проводимый, глубоко продуманный образъ мысли, слова и дѣла, имѣющій цѣлью удержаніе у власти партіи, однажды эту власть захватившей.

Это положеніе можетъ показаться или парадоксомъ или трюизмомъ. Вѣдь всякая власть, коль скоро она пришла, не хочетъ уже уходить, считая самый фактъ своего бытія основой всеобщаго благополучія. Особенно это вѣрно для партій, пришедшихъ къ власти путемъ насилія. Самый актъ насилія, пролитая при этомъ кровь, своя и чужая — въ особенности чужая — убѣждаетъ новыхъ владыкъ въ томъ, что къ ихъ пришествію ко власти сопричастенъ Божій Промыселъ. Эта религіозная окраска свойственна идеологіи даже самой атеистической и самой революціонной узурпаціи. Ея моральную основу можно выразить формулой: гдѣ ненависть — тамъ и Богъ, хотя бы Богъ фигурировалъ подъ псевдонимами Права, Разума, Соціальной справедливости и т. п. Въ этомъ отношеніи большевизмъ, конечно, нисколько не отличается отъ всякой иной узурпаціи и всякая диктатура партіи, класса, политической группы неизбѣжно впадетъ въ ту же религіозно-монархическую трясину. Было бы однако грѣшно, установивъ это достаточно печальное для «пролетарской диктатуры» сходство ея со всѣми иными извѣстными видами диктатуры, не замѣчать наличности здѣсь и глубокаго принципіальнаго различія.

Диктаторъ, монархъ, узурпаторъ, пришедшій къ власти, обожествляетъ не только себя, но и свой принципъ, свою догму, свою соціально-политическую фанаберію, вообще свою «стать». И здѣсь повторяется тоже самое: чѣмъ обильнѣе путь къ власти политъ кровью, усѣянъ злодѣяніями и подвигами, тѣмъ догматичнѣе, сакраментальнѣе становится эта «стать». Въ отстаиваніи ея, въ слѣпой политической мономаніи сказывается какъ бы инерція предварительнаго революціоннаго разбѣга. Съ воспаленными глазами побѣды, съ глубоко потрясеннымъ существомъ, сѣявшимъ смерть и смерть преодолѣвшимъ, нельзя, дорвавшись до цѣли, сразу же начать юлить направо и налѣво, измѣнять себѣ на каждомъ шагу, мѣнять политику, какъ перчатки, пробавляться мелкой хитрецой мелкаго воришки. Партія, пришедшая въ эпоху революціи къ власти, похожа на стрѣлу, спущенную съ туго натянутой тетивы. Траекторія ея полета опредѣлена заранѣе факторами, не поддающимися уже измѣненію во время самого полета. Разъ она спущена—путь ея предопредѣленъ. Представить себѣ, что она, вслѣдствіе охватившей ее въ пути трусости, вильнетъ направо, вильнетъ налѣво — совершенно немыслимо.

Но именно таковъ большевизмъ. 5 лѣтъ его владычества могутъ намъ казаться индивидуально невыносимо долгимъ срокомъ, но въ исторической перспективѣ, въ обстановкѣ безумно запутанной сѣти сложнѣйшихъ проблемъ это срокъ слишкомъ ничтожный, чтобы партія, пришедшая къ власти, могла десятки разъ измѣнять провозглашеннымъ и исповѣдуемымъ ею положеніямъ и принципамъ. Всякая партія, пришедшая къ власти, въ особенности путемъ насилія держится за нее съ чисто животной остервенѣлостью. Но это не только воля къ жизни — это и воля къ опредѣленному ея смыслу, хотя бы и самому фантастическому. Партіи революціи отстаиваютъ не только свою жизнь, но и тотъ смыслъ, какой онѣ въ нее вкладываютъ. Вспомнимъ только, съ какой заклятой силой отстаивали себя и свои «принципы» партіи французской революціи. Посылая другъ друга на эшафотъ, они считали свои принципы, иногда самаго отвлеченнаго свойства, чѣмъ-то такимъ, ничтожное, временное отступленіе отъ чего грозило міровой погибелью. Гильотина разрѣшала философскіе споры. И тамъ не знали «передышки», не знали компромиссовъ. Воистину они были безсмертными, преодолѣвъ смерть, какъ вразумляющее начало, какъ перстъ угрожающій. Большевизмъ весь во власти этой угрозы. И онъ холоденъ, разсчетливъ, весь погруженный въ бухгалтерію.

Едва ли не самое отвратительное проявленіе торгашески-бухгалтерскаго существа этой «революціонной» власти обнаружилось на Генуэзской конференціи, когда выяснилось, что за милліардъ долларовъ съ допущеніемъ разсрочки совѣтская власть готова была продать «акуламъ имперіализма» весь россійскій коммунизмъ.

«Исторія великихъ революцій не знаетъ примѣровъ подобной лжи и лицемѣрія. И пожалуй самымъ постыднымъ для «міровой соціалистической революціи» является то, что буржуазный французскій органъ съ большимъ достоинствомъ долженъ былъ отвергнуть сравненіе, которое такъ часто любятъ дѣлать большевики между большевистской революціей и Великой Французской Революціей.

— Мы не радѣляемъ политики якобинцевъ и Комитета Общественнаго Спасенія — писала эта газета. Но во имя объективной истины мы должны заявить, что дѣятели 1793 года никогда не пришли бы во враждебный лагерь, блокировавшей революцію, реакціонной коалиціи и не выпрашивали бы денегъ на поддержаніе своего существованія. Въ то время, когда положеніе Комитета Общественнаго Спасенія было безнадежнымъ, его дѣятели предпочли умереть, но не вымаливали признанія. Они добивались и добились этого признанія силой своего энтузіазма и готовностью принести себя въ жертву на алтарь

Революціи. Они не обивали пороги министровъ, подобно Чичерину и не заманивали подачками магнатовъ капитала, подобно Красину.» *)

Вотъ почему величайшее политическое и психологическое заблужденіе кроется въ характеристикѣ большевизма, какъ явленія революціоннаго. Онъ не революціоненъ не только потому, что онъ контр-революція, толкнувшая страну на путь экономическаго и политическаго регресса и вырожденія. Онъ глубоко не революціоненъ, антиреволюціоненъ даже въ самомъ примитивномъ смыслѣ слова «революція», съ точки зрѣнія того комплекса волевыхъ, эмоціональныхъ и моральныхъ факторовъ, который и составляетъ всю красоту и трагическую мощь «варварской формы прогресса».

Большевизмъ — это только методъ сохраненія власти въ рукахъ... большевиковъ. Это оголенная форма узурпаціи, чистый ея видъ, не подчиненный никакимъ идеямъ, идеаламъ, принципамъ, кромѣ одной всепожирающей цѣли — быть, жить... Здѣсь его особая стать. Здѣсь онъ былъ безусловно оригиналенъ, смѣлъ, находчивъ, ловокъ, талантливъ. Здѣсь была особая, тонко проводимая политика, изученіе и анализъ которой легче по моему

*) См. «Заря» № 4. Статья С. Загорскаго «Милліардъ долларовъ за коммунизмъ.»

и скорѣе вводить въ самую душу большевизма, чѣмъ томительныя раскопки въ грудѣ наваленныхъ большевиками мыслей, словъ, теоріи, мѣропріятій...

Здѣсь отвѣтъ на вопросъ: какъ большевики овладѣли народными массами.

III.

ЦАРСТВО СОЦІАЛЬНОЙ ИЛЛЮЗІИ.

Теорія относительнаго обогащенія.

Большевизмъ вышелъ изъ марксизма. Выйдя изъ него, т.-е. покинувъ его почву, онъ на сапогахъ своихъ унесъ кой-какіе обрывки марксистской идеологіи, преимущественно тѣ ея элементы, гдѣ сильно сказывались бланкистскія тенденціи. Среди марксовскихъ идей была геніально использована, вѣрнѣе, геніально извращена идея объ относительномъ обнищаніи рабочаго класса. Въ самой простой формѣ мысль Маркса сводится къ слѣдующему:

Въ капиталистическомъ обществѣ положеніе пролетаріата безпрерывно ухудшается. Среди массъ растущихъ, имъ же производимыхъ или вызванныхъ къ жизни богатствъ, его собственная доля становится все меньшей и меньшей. Пролетаріатъ постоянно нищаетъ, все болѣе отставая въ своемъ уровнѣ жизни отъ все повышающагося уровня другихъ клас-

совъ. Чѣмъ большую массу продуктовъ онъ производитъ, тѣмъ меньшая ихъ доля ему достается. Прогрессъ капитализма съ этой стороны неизбѣжно связанъ съ регрессомъ рабочаго класса. Жизненный путь рабочаго класса въ сравненіи съ развитіемъ владѣющихъ классовъ можно изобразить примѣрно, какъ движеніе черепахи и Ахиллеса. Оба они движутся въ одномъ направленіи, но разсматривая систему этихъ двухъ членовъ съ точки зрѣнія черепахи, можно сказать, что съ каждымъ своимъ шагомъ впередъ черепаха все болѣе отстаетъ отъ Ахиллеса. Она никогда его не догонитъ, ибо разстояніе между ними не сокращается, а все болѣе увеличивается.

Здѣсь ударный моментъ характеристики заключается въ ея соціально-экономическомъ релятивизмѣ. Положеніе пролетаріата абсолютно не ухудшается. Наоборотъ абсолютно оно несомнѣнно, иногда даже весьма серьезно, улучшается. Рабочему живется теперь несомнѣнно лучше, чѣмъ 30, 40, 50 лѣтъ тому назадъ. Но это нисколько не вліяетъ на его субъективное отношеніе къ системѣ капиталистическаго хозяйства и нисколько не способно притупить въ немъ остраго чувства протеста. На психику людей дѣйствуютъ сильнѣе всего не сопоставленія во времени, а сопоставленія въ пространствѣ. То, что питаетъ революціонный протестъ трудящихся массъ противъ капиталистической системы — это какъ

разъ сопоставленія въ пространствѣ. Что съ того, что въ старину живали дѣды гораздо хуже своихъ сыновъ и внуковъ? На сыновъ и внуковъ дѣйствуетъ мощными соціально-психологическими толчками, на каждомъ шагу бросающаяся нынѣ въ глаза, колоссальная разница между уровнемъ ихъ жизни и уровнемъ жизни буржуазіи. Здѣсь источникъ классовой борьбы и революціонной непримиримости пролетаріата.

Теперь я прошу читателя мысленно перевернуть эту формулу относительнаго обнищанія. Мы получимъ формулу относительнаго обогащенія рабочаго класса и мы очутимся въ самомъ центрѣ большевистской тактики, мы найдемъ ключъ къ загадкѣ большевистскаго владычества надъ народными массами. Марксиствующій большевизмъ создалъ теорію и, что гораздо интереснѣе и хуже, блестяще, послѣдовательно до мельчайшихъ психологическихъ деталей, развилъ практику относительнаго обогащенія рабочаго класса. Онъ провелъ ее въ жизнь въ геометрически идеальныхъ формахъ, въ безукоризненно, чтобы не сказать банально симметрическомъ противоположеніи къ теоріи относительнаго обнищанія. Попробуйте перемѣстить всѣ члены марксистской формулы шиворотъ на выворотъ, и тогда вы вмѣсто одного итога: революція, классовая борьба, бунтъ, неуемное, вѣчно саднящее чувство протеста—

получите: примиреніе, покорность, рабство, соціально-политическую глухонѣмоту и часто даже положительно проявляемое удовлетвореніе бѣдныхъ, скудныхъ, обманутыхъ и жаждущихъ обмана душъ.

Да, рабочему живется въ Совдепіи хуже, неизмѣримо хуже, чѣмъ при капитализмѣ. Но что же? Ему зато гораздо легче и вольготнѣе было жить, чѣмъ буржую. Перенеситесь мыслью къ началамъ большевизма. Вотъ этотъ буржуй валяется на улицѣ и, голодный, оборванный, смотритъ на васъ страдальческимъ взоромъ и беззвучно что-то шепчетъ. Вотъ этотъ пролетарій при винтовкѣ приказываетъ буржую убраться и не портить вида улицы. Это ли не господствующее сословіе? Въ общественныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ могущественной силой вліянія обладаютъ не абсолюты, а относительности. Важно не то, что «хорошо» и «плохо» или «много и «мало», а то, что «лучше» и «хуже» или «больше» и «меньше». И какъ въ капиталистическомъ обществѣ, несмотря на реальное улучшеніе положенія рабочаго класса, различіе жизненныхъ уровней питаетъ протестъ и соціальную активность, такъ при «коммунистическомъ строѣ», несмотря на реальное ухудшеніе положенія рабочаго класса, обратно расположенное различіе жизненныхъ уровней должно питать чувства примиренія и соціальной пассивности. Важно то ощущеніе, та видимая, осязаемая *жизнеразность*, то отрадное чувство *инобытія*, которыя дѣйствуютъ на людей вообще, а на примитивные умы и души въ особенности, сильнѣе абсолютной мѣры добра и зла.

Въ этомъ ключъ для уразумѣнія соціальнаго существа совѣтской власти и ея господства надъ массами въ первые 2—3 года побѣды. Это было царство соціально-правовой привилегіи «рабочаго класса», понимаемаго, однако, не какъ производственная группа, а какъ группа имущественная въ смыслѣ «бѣднѣйшихъ». Это была аристократія бѣднѣйшихъ, бывшихъ въ самомъ низу и ставшихъ на самомъ верху, хотя бы этотъ самый новый «верхъ» былъ ниже прежняго «низа».

Это былъ переворотъ въ томъ элементарно-кинематографическомъ смыслѣ, какой иногда осуществляется въ «иллюзіонахъ» по окончаніи сильно потрясающей драмы, когда вещи начинаютъ на экранѣ падать вверхъ, камни вылетаютъ изъ воды и т. п. трюки поражаютъ зрѣніе и воображеніе зрителей. Совдепія представляла собою такой грандіозный «Иллюзіонъ». Режимъ соціальнаго угнетенія «навыворотъ», режимъ вверхъ дномъ, соціальная пирамида, поставленная основаніемъ вверхъ и, нѣсколько усѣченной терроромъ для прочности, вершиной внизъ — вотъ въ чемъ проявились начала большевизма. Сохранились всѣ мерзости пирамиды и несправедливости ея, но

только въ обратномъ порядкѣ. Не буржуй угнеталъ пролетарія, а пролетарій угнеталъ буржуя. «Ты лакей, а я баринъ» — кричало черное отечество. «Нѣтъ — отвѣчало красное — я баринъ, а ты лакей!» И когда буржуазный баринъ пытался возразить, пролетарскій баринъ ставилъ его «к стенке» и тѣмъ дискусія исчерпывалась.

Въ своей работѣ о «соціальной дифференціаціи» Зиммель приводитъ разсказъ о томъ, какъ во время парижскихъ баррикадъ 48 года одна носильщица угля, встрѣтивъ на улицѣ важно разодѣтую даму, крикнула ей радостно и злобно: «теперь всѣ равны — теперь ты будешь уголь таскать, а я въ шелковыхъ чулкахъ ходить!» Въ этой наивной, логически нелѣпой формулѣ бездна соціально-психологическаго содержанія. Могучее инстинктивное тяготѣніе истомленныхъ въ рабствѣ душъ къ соціальной справедливости и соціальному равенству не находитъ иного выраженія кромѣ антитетической перестановки членовъ въ формулѣ неравенства, не догадываясь даже, что возможенъ знакъ равенства, при которомъ безразлично, какое мѣсто занимаетъ каждый членъ формулы. Нужно обязательно перемѣниться мѣстами: я буду въ шелковыхъ чулкахъ ходить, а ты — испачканная углемъ. А станетъ тѣмъ и тамъ, чѣмъ и гдѣ было В. Только тогда и для А и для В — въ одномъ случаѣ радостно, въ другомъ горестно — ста-

нетъ морально и соціально ощутительнымъ фактъ «переворота». Этого не можетъ быть въ томъ случаѣ, если А и В очутятся въ одномъ и томъ же мѣстѣ и въ одномъ и томъ же положеніи. Ибо въ равенствѣ нѣтъ необходимаго искупленія прежнихъ мукъ и прежняго рабства. Шелковые чулки обладаютъ и для А и для В огромной цѣнностью соціальной символики только потому и только въ той мѣрѣ, въ какой существуютъ угольщицы, обтрепанныя и грязныя, можетъ быть безъ всякихъ чулокъ и всякой обуви. Въ этомъ значительная часть потребительской стоимости шелковыхъ чулокъ. Ибо они больше соціально-эстетическій символъ, чѣмъ вещь въ себѣ. На этомъ вообще построена психологія роскоши, богатства и бѣдности тоже.

Вотъ эту психологію не столько можетъ быть поняли, сколько инстинктивно, въ стремленіи сохранить власть, использовали большевики. Угольщица 48 года — вотъ прообразъ ихъ соціальной политики. Пролетаріатъ, вообще «бѣдные люди» умственнаго и нравственнаго уровня этой угольщицы — вотъ та сила, та масса (а она въ Россіи несмѣтна), которой овладѣли и на которую оперлись большевики.

Въ этомъ смыслѣ большевистское правительство можно было тогда называть правительствомъ рабочихъ. Большевистское правительство имѣло право называть себя такъ, но

однако не потому, что оно отстаивало классовые интересы пролетаріата, развертывая и осуществляя идеи и идеалы «4-го сословія», а единственно потому, что оно угождало рабочимъ, ихъ прежде всего и больше всего мазало по губамъ, ихъ развращало и ублажало цѣною разоренія всей России, разрушенія и засоренія всѣхъ источниковъ благосостоянія всѣхъ классовъ и группъ въ томъ числѣ (и объективно прежде всего) самого пролетаріата. Большевики хотѣли и стали рабочимъ правительствомъ потому, что то, чѣмъ сталъ рабочій классъ и что осталось отъ него въ результатѣ войны и ко времени переворота, оказалось соціальной тканью, вполнѣ подходящей для тѣхъ демагогическихъ узоровъ, какіе стали на ней расшивать большевистскіе заправилы.

«Соціализмъ» и «равенство» угольщицы 48 года, теорія и практика «относительнаго обогащенія» — являлись совершенно адекватными выраженіями глухой, темной и мстительной тяги къ соціально-правовому инобытію.

Большевизмъ это далъ и это опредѣлило его успѣхъ, силу его вліянія на массы.

Какъ это дѣлается.

Разсматривая конкретно тѣ мѣры, какія осуществлялись большевиками въ цѣляхъ укрѣпленія своей власти, поражаешься тому разнообразію пріемовъ и той гибкости, съ

какими они играли на вышехарактеризованной соціальной психологіи массъ. Чтобы ближе подойти къ принципамъ этой игры, мы сначала остановимся на одномъ примѣрѣ, слишкомъ можетъ быть экзотическомъ, но однако чрезвычайно ярко освѣщающемъ самую суть дѣла.

Еще до революціи для нуждъ мобилизованной промышленности были законтрактованы большія массы китайцевъ. Когда военная промышленность прекратилась, положеніе этихъ китайцевъ стало ужаснымъ. Газеты были полны описаній ихъ невѣроятной нищеты и грязи. Населеніе относилось къ нимъ отвратительно. Ихъ дразнили на улицахъ мальчишки, надъ «ходей» издѣвались всѣ. А «ходи», несчастные и оборванные, рылись въ помойныхъ ямахъ и сорныхъ ящикахъ, уже только здѣсь способные добывать себѣ пищу. Продовольственный кризисъ тогда еще не такъ свирѣпствовалъ, чтобы собаки, кошки и... китайцы ничего бы не могли здѣсь найти съѣдобнаго.

На этого то «ходю» и обратилъ вниманіе большевистскій штабъ. И вотъ «ходи» — обмытые, чистенькіе, хорошо одѣтые, откормленные. «Ходя» красноармеецъ, при немъ винтовка, «ходя» состоитъ въ гвардіи его величества, «ходя» разстрѣливаетъ буржуевъ, «ходя» уже не презрѣнный парія, а аристократъ, «ходю» ужъ никто не посмѣетъ оби-

дѣть, ибо «ходя» нынче коммунистъ и рѣжетъ онъ буржуя исправно. Понятно, что «ходя» счастливъ... «ходя» какъ собака преданъ Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республикѣ, и самъ Троцкій пишетъ въ своихъ приказахъ благодарность «ходѣ», показавшему чудеса храбрости на чехо-словацкомъ фронтѣ... Изъ грязи въ князи — эта буквально осуществившаяся метаморфоза — несмотря на всю экзотичность объекта, выявляетъ нѣкоторыя основныя линіи притяженія къ большевизму и всей широкой массы «бѣднѣйшихъ». Важенъ вѣдь самый принципъ — «изъ грязи въ князи», а не его реальная форма.

И даже не его матеріальное содержаніе. Въ этомъ убѣждаетъ насъ продовольственная демагогія большевизма. Здѣсь сознательная игра на потребности общественно-примитивнаго сознанія чувствовать себя въ атмосферѣ, утоляющей боль прежнихъ обидъ, привилегіи велась особенно тонко. Продовольственный кризисъ скоро послѣ прихода большевиковъ достигъ такой остроты, что и 1-ая пролетарская категорія часто не получала ни крошечки той гадости, которая на сѣверѣ именовалась пайковымъ хлѣбомъ. Но вѣдь буржуй получалъ еще меньше, онъ совсѣмъ ничего не получалъ. Продовольственная привилегія рабочаго сплошь и рядомъ являлась чистѣйшей иллюзіей съ точки зрѣнія ея матеріальнаго

содержанія. Этихъ осточертѣвшихъ въ продовольственной словесности «калорій» рабочій получалъ мизерно мало. Питаясь полагающимися отъ казны калоріями, рабочій несомнѣнно скоро умеръ бы отъ голода. Но если это случится примѣрно черезъ 10 дней, то буржую по его 3-ей или 4-ой категоріи полагалось умереть еще за 10 дней до того. Соціализмъ кормитъ прежде всего пролетаріатъ, а буржую, какъ говорилъ Зиновьевъ, достаточенъ только «запахъ хлѣба». Если однако дѣло дойдетъ до того, что и рабочему достанется только «запахъ хлѣба», то буржуазія будетъ лишена и запаха. И когда рабочій читалъ въ продовольственномъ приказѣ, что сегодня по 1-ой категоріи будетъ выдаваться четверть фунта хлопкожара, то печальное отсутствіе чего-либо такого, что можно на этомъ хлопкожарѣ жарить, вполнѣ нейтрализовалось тѣмъ фактомъ, что, какъ сказано было въ приказѣ, «по 4-ой категоріи выдачи не будетъ».

Здѣсь мы входимъ въ чистую область «права». Рабочій имѣетъ «право» на лучшую и большую часть достоянія Р. С. Ф. С. Р. Что я говорю! — онъ имѣетъ право на все достояніе Р. С. Ф. С. Р., худшую и меньшую часть котораго онъ добровольно уступаетъ другимъ классамъ, которые вѣдь скоро совсѣмъ исчезнутъ. Реальное, матеріальное содержаніе этого права можетъ быть равно

пулю — его соціальная символика все же остается могуче воздѣйствующимъ на психику факторомъ. Только на почвѣ «чистаго права» возможно то долготерпѣніе, какое насъ такъ поражаетъ въ Россіи. Только на почвѣ «права» и агитаціонно-демагогическаго вколачиванія въ умы идеи избранности и привилегированности бѣднѣйшихъ возможенъ тотъ реальный разгулъ безправія, какой осуществляютъ большевики.

Въ области этихъ же иллюзорно-правовыхъ идей вращалась долгое время наряду съ продовольственной и жилищная политика Совдепіи. Здѣсь она насъ интересуетъ не по существу своему, а какъ разъ съ той точки зрѣнія соціальныхъ иллюзій, въ питаніи коихъ крылось истинное призваніе и истинный талантъ большевистскаго режима. И здѣсь не было или почти не было никакой реальности. И здѣсь надъ содержаніемъ права превалировалъ соціальный иллюзіонизмъ его символики. Таковы издававшіеся разновременно декреты о переселеніи рабочихъ въ буржуазныя квартиры и буржуазные кварталы. Въ Петербургѣ такой декретъ былъ изданъ уже тогда, когда городъ страшно опустѣлъ, свободныхъ квартиръ и помѣщеній было сколько угодно и большинство домовъ было національзировано. Рабочій при желаніи могъ переѣхать въ любой кварталъ и любую квартиру безъ всякаго декрета. Однако всюду опыты вселенія

кончались самымъ жалкимъ фіаско, да и рѣдко гдѣ они проводились въ болѣе или менѣе широкомъ масштабѣ. Хотя буржуй и дрожалъ и былъ прищемленъ, но и пролетарію было неудобно и неуютно болтаться въ непривычной обстановкѣ. Но какъ средство «вогнать въ чахотку» буржуя, какъ питательный матеріалъ для чувства соціальной привилегіи, какъ возвышающее сознаніе «права», декреты о вселеніи явились не плохой выдумкой. Въ дальнѣйшемъ начали переселять изъ буржуазныхъ квартиръ въ пролетарскія буржуйную мебель, хватать столы, шкафы и буфеты. Это все было архинелѣпо практически, пахло все это банальнымъ соціальнымъ озорствомъ, но вѣдь все это подчеркивало право пролетаріата на все лучшее и пріятное, что только существуетъ въ мірѣ, на шелковые чулки, все это питало иллюзію привилегированности и выходило такъ, что каждый пролетарій «въ идеѣ» можетъ стать буржуемъ, жить въ буржуазной квартирѣ и сидѣть въ буржуазныхъ креслахъ.

Эта развращающая политика не щадила и дѣтей. Всякаго рода учрежденія по призрѣнію дѣтей впихивали въ роскошные дворцы, особняки, ни въ какой мѣрѣ не приспособленные ни съ точки зрѣнія педагогической, ни съ точки зрѣнія школьной гигіены для такого рода учрежденій, но соціально-психологическій эффектъ получался надлежащій:

дѣти пролетаріевъ въ дворцахъ, дворцы пролетаріату, самое лучшее на свѣтѣ пролетаріату. И дѣти вѣдь знали, что пришелъ «клясноармеецъ» и забралъ всю эту мишуру у буржуазнаго дяди.

Конечно, какъ ни сладка иллюзія, какъ ни заманчиво «право», массамъ нужно реальное ощущеніе инобытія, нужно непосредственное воспріятіе новыхъ условій жизни. Этого большевизмъ дать не могъ. Но онъ могъ, онъ наловчился давать массамъ хмельные суррогаты трезвыхъ прозаическихъ благъ. Большевизмъ въ стремленіи къ самосохраненію инстинктивно учуялъ большую соціально-психологическую правду въ этомъ старомъ римскомъ крикѣ: хлѣба и зрѣлищъ! Не можетъ ли вторая часть этой формулы служить эквивалентомъ первой, или на худой конецъ придушить ея императивный характеръ? Зрѣлищный дурманъ — не въ состояніи ли онъ отвлечь душу отъ реальныхъ невзгодъ жизни? Большевики отвѣтили на этотъ вопросъ положительно, и въ Россіи заплясала, закружилась вакханалія карнавальнаго коммунизма. Зрѣлищъ, побольше зрѣлищъ! Жалкая, голодная и жадная толпа артистовъ, музыкантовъ, художниковъ, поэтовъ, отъ малыхъ до великихъ стали необходимѣйшей, наиболѣе значительной частью демагогическаго инструментарія большевизма. Столько зрѣлищъ, столько артистическаго шума, треска и трезвона, сколько

большевизмъ задавалъ своимъ подданнымъ, не далъ бы имъ ни одинъ режимъ. Не въ томъ дѣло, что все это славило и воспѣвало совѣтскую власть. Важно другое — важно то, что система соціальной иллюзіи объективно, внѣ сознательной цѣли угодничающихъ лакеевъ искусства, поддерживалась и укрѣплялась иллюзіями эстетическими. Важно то, что въ изсохшія въ неволѣ былыхъ дней души впитывались радостныя струи новыхъ эффектовъ и новыхъ наслажденій. Интересно было пройтись ночью мимо какого-нибудь государственнаго «иллюзіона» и приглядѣться поближе къ этой толпѣ былыхъ модистокъ и горничныхъ, мальчиковъ 14—17 лѣтъ, красноармейцевъ, кавалерственно-молодцеватыхъ матросовъ, френчевито-франтовитыхъ коммунистиковъ, «интелигентныхъ» ротныхъ писарей и приказчиковъ... Въ этой толпѣ подчасъ вы замѣчали слишкомъ много альфонсовъ, проститутокъ, профессіональныхъ преступниковъ и наслѣдственныхъ негодяевъ. Но не надо было поддаваться чувству отвращенія. Вся эта толпа жила въ эти моменты во власти сладкой иллюзіи инобытія, вся она чувствовала, что «все это — наше», перенесенная въ новый міръ, гдѣ я все, а моя барыня — дрянь, ничто. И вглядываясь объективно въ эту толпу, вы понимали почему она иногда съ нѣкоторой лихостью пѣла:

всѣ мы на бой пойдемъ
за власть совѣтовъ
всѣ какъ одинъ прольемъ
мы кровь кадетовъ.

Не было ни одного совѣтскаго мѣропріятія, которое или по своему содержанію или по формѣ или наконецъ по проливному дождю устныхъ и письменныхъ къ нему комментарій не было бы связано съ упроченіемъ въ сознаніи массъ ихъ избранности, ихъ бѣлой кости, ихъ соціально-политической привилегированности. Даже такая аполитическая мѣра, какъ новая ороографія, была въ свое время подана, какъ ороографія классовая. Буквы «ѣ» и «і» стали воплощеніемъ буржуазнаго зла. Заклеенныя бумагой на всѣхъ совѣтскихъ машинкахъ клавиши буржуазныхъ буквъ свидѣтельствовали о побѣдѣ неимущихъ надъ имущими, неимущихъ «е» надъ имущими «ѣ». Писать «ѣ» въ совѣтской республикѣ стало также опасно, какъ при самодержавіи писать «его величество» маленькими буквами. Ороографическая безпомощность массъ стала пріобрѣтать характеръ ороографической привилегіи. Разумная по существу мѣра превратилась въ дурацко-ревнивую, ухарскую демагогію. «Никакихъ гвоздевъ!» Пролетаріатъ, уничтожая проклятую буржуазію, уничтожаетъ ее вмѣстѣ съ проклятой буквой. А ну ка, извернитесь и напишите, не задумываясь, по коммунистически: «расстрелять» и « к стенке»...

Этихъ мелочей совѣтской демагогіи, имѣющей цѣлью внушить массамъ иллюзіи соціальной привилегированности, можно было бы собрать безчисленное множество. Въ массѣ своей они дѣйствуютъ въ желательномъ направленіи иногда болѣе интенсивно, чѣмъ крупныя явленія того же типа. Мелкая повседневная лесть, повседневная демагогическая щекотка, дѣланное, іезуитско-смиренное преклоненіе владыкъ передъ ихъ рабами, омерзительныя поглаживанія по пролетарскому плечику — вся эта тошнотворная смѣсь соціальнаго озорства, лисьей элегичности и волчьей хватки совершенно оглушаетъ сладкимъ дурманомъ скорбные умы и души людей, жаждущихъ утѣшительныхъ обмановъ, возвышающихъ иллюзій въ темнотѣ, холодѣ своей бѣдной, безобразной, обобранной и исковерканной жизни.

IV.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТЪ ВЛАСТЬ?

Сила и насиліе.

Этимъ бѣднымъ, духовно нищимъ людямъ, всю жизнь страдающимъ подъ гнетомъ чуждой имъ по соціальному происхожденію власти, большевизмъ далъ реальное, грубое,

но сильное ощущенiе собственной власти. Въ полемической литературѣ противъ большевиковъ принято было утверждать, что у массъ никакой власти нѣтъ, что вся власть сосредоточена въ рукахъ совѣтской бюрократiи, давно оторвавшейся соцiально и психологически отъ народныхъ массъ. Въ этомъ утвержденiи много правды, но не вся правда. И отсутствуетъ какъ разъ та часть ея, какая имѣетъ наибольшее значенiе въ вопросѣ о томъ почему большевики все еще владѣютъ Россiей вопреки всему безумiю и экономической парадоксальности ихъ владычества. Намъ придется нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ, потому что въ немъ таится одинъ изъ важнѣйшихъ узловъ россiйской драмы.

Власть — это комбинацiя силы и насилiя. Эти два элемента власти находятся другъ отъ друга въ обратно пропорцiональной зависимости. Чѣмъ власть сильнѣе, т. е. чѣмъ методы и принципы этой власти болѣе соотвѣтствуютъ экономическимъ, культурнымъ и граждански-правовымъ условiямъ данной страны, тѣмъ меньшую роль въ государственной жизни играетъ насилiе. Граждане выполняютъ свои обязанности и осуществляютъ свои права не подъ давленiемъ индивидуально обращеннаго на нихъ насилiя, а подъ равномѣрно испытываемымъ, незамѣтнымъ, какъ давленiе атмосферы, объективно проявляю-

щимся давленiемъ силы государства. Если этого соотвѣтствiя нѣтъ, то господствующимъ элементомъ власти становится насилiе. Въ государствахъ послѣдняго образца, какъ въ сознанiи правителей, такъ и въ сознанiи гражданъ насилiе почти цѣликомъ сливается съ силой и въ свою очередь самое понятiе власти легко переходитъ или сливается съ понятiемъ насилiя. Не нужно доказывать, что Совдепiя являетъ собою яркiй примѣръ государствъ второго типа. Поэтому вопросъ о томъ, кто пользуется властью, кто правитъ — въ сознанiи гражданъ легко перемѣщается въ вопросъ о томъ, кто пользуется, кто имѣетъ право на насилiе. Тотъ, кто ощутитъ въ себѣ это право, тотъ, кто отвѣдалъ этотъ сладкiй ядъ насилiя надъ себѣ подобнымъ — тотъ будетъ считать себя сопричастнымъ власти. Въ особенности, если повседневно на каждомъ шагу его будутъ увѣрять въ этомъ, его будутъ провоцировать на проявленiе «власти» высшiе iерархи деспотическаго режима. При этомъ для полноты иллюзiи массъ о принадлежащей имъ власти требуется, чтобы между ними и правящей кликой не было никакихъ сословныхъ перегородокъ, чтобы городовой и губернаторъ были вылѣплены изъ одного и того-же тѣста и чтобы, хотя-бы только формально, городовой могъ стать губернаторомъ.

Всѣ эти условiя имѣлись на-лицо въ Совдепiи. Былъ и есть режимъ, гдѣ универсаль-

ной, почти исключительной формой власти является насиліе, было сознательное поощреніе насилія, совершаемаго массами, какъ проявленія ихъ преданности «революціи» и «соціализму», какъ, выражаясь языкомъ Растопчинскихъ афишекъ, «благочестивое противу врага негодованіе», была проводимая органами государственнаго управленія система мѣръ, имѣющихъ спеціальной цѣлью организацію массоваго насилія, и наконецъ, существовало единство соціально - культурной среды, выдѣлявшей одинаково какъ элементы, организующіе насиліе, такъ и элементы, непосредственно его осуществляющіе. И поэтому на вопросъ о томъ — принадлежитъ ли «бѣднѣйшимъ» власть, нужно было отвѣчать утвердительно. Да, власть, упавшая до насилія, не знающая почти иныхъ формъ своего проявленія, кромѣ насилія, — такая власть принадлежитъ массамъ. Насильничать они могутъ и могутъ безнаказанно, будучи къ этому подстрекаемы и за это поощряемы. Такую власть массы имѣли, а другой почти не было въ коммунистическомъ государствѣ россійскомъ.

Конечно, для того, чтобы интенсивно ощущать такую власть, долженъ быть объектъ насилія. Долженъ быть тотъ «турка», на головѣ котораго на народныхъ гуляньяхъ можно за 5 коп. выявить свою «силу». Такой «турка» былъ. Это буржуазія, бѣлогвардейцы,

вообще враги пролетаріата. На коммунистическомъ гуляньи за пробу силы надъ этимъ туркой ничего не взимали, а даже кое-что приплачивали. При самодержавіи тоже былъ такой «турка». Это были «жиды». То человѣческое отребье, которое собиралось вокругъ черной сотни, несомнѣнно, чувствовало себя причастнымъ къ власти именно потому, что оно почувствовало «государственность» своихъ насилій надъ оффиціально низведеннымъ до «турки» еврейскимъ народомъ. Это сознаніе своей власти давало черной сотнѣ и союзу русскаго народа такую государственную прыть, что порою даже высшіе сановники имперіи считали себя терроризованными этой «народной влатью», и Столыпину пришлось не мало энергіи затратить, чтобы нѣсколько сдержать ея стихійный напоръ. Самодержавіе Романовыхъ себя спасало, отдавши толпѣ какъ бы въ аренду насиліе надъ евреями. Самодержавіе коммунистовъ себя спасало, отдавши почти въ полное распоряженіе трудящихся насиліе надъ другимъ «туркой» — буржуазіей. Но коммунистическое самодержавіе оказалось въ лучшихъ условіяхъ и болѣе талантливымъ: сословная граница проведена была не между толпою и высшими сановниками, а между ними вмѣстѣ съ одной стороны и «буржуазіей» съ другой. Это обстоятельство имѣло огромное значеніе въ дѣлѣ укрѣпленія иллюзіи о власти, принадлежащей пролета-

ріату. Притомъ тутъ огромную роль сыграли нѣкоторыя другія черты совѣтской системы.

Оружіе власти и власть оружія.

Это прежде всего неслыханно огромный, поглощающій милліоны людей, бюрократическій механизмъ. Привычное, особенно намъ русскимъ, противопоставленіе: общество и бюрократія, здѣсь въ Совдепіи потеряло всякій смыслъ, потому что не было общества, а одна только бюрократія. Всѣ виды національзаціи, соціализаціи, — были прежде всего бюрократизаціей соотвѣтствующихъ отраслей жизни. Объ этомъ слишкомъ много писалось уже и говорилось. Но вѣдь здѣсь имѣлось побочное слѣдствіе, спеціально насъ интересующее. «Трудящіеся» становились сопричастными власти уже и формально, въ качествѣ прямыхъ агентовъ государства. И, если это поприще открывало имъ возможности дикаго произвола, взяточничества, прямой расправы съ «туркой», если «трудящимся» по умственной или культурной убогости, а иногда и вслѣдствіе простой безграмотности предоставлялись сплошь и рядомъ наиболѣе «принципіальныя» должности политкомовъ, надзирателей за «духомъ» былыхъ саботажниковъ интеллигентовъ, должности членовъ коллегіи безъ дѣлового портфеля, то нужно ли было болѣе разительное доказательство того, что

«въ совѣтскомъ строѣ власть принадлежитъ трудящимся?»

Совѣтское правительство грубо, топорно и мерзко поощряло психологію унтера Пришибеева. Представьте себѣ, что унтеръ Пришибеевъ поступилъ на государственную службу. Вѣдь тутъ его реальной власти, а главное его иллюзіи о роли и содержаніи своей власти предѣла не будетъ. При самодержавіи унтера Пришибеева за безобразія все-таки засудили. При коммунизмѣ же если его за совершенно исключительныя уже художества и судили, то въ приговорѣ говорилось между прочимъ: «....но, принимая во вниманіе пролетарское происхожденіе тов. Пришибеева, отъ наказанія его освободить».

Такихъ мотивировокъ въ совѣтскихъ судебныхъ приговорахъ вы можете найти сколько угодно и легко себѣ представить все ихъ растлѣвающее значеніе, все ихъ вліяніе въ дѣлѣ образованія аристократическаго сознанія новопризнанныхъ носителей власти - насилія. «Трудящіеся у власти», потому что они при аппаратѣ насилія, «трудящіеся у власти», потому что огромная ихъ масса — чиновники самыхъ зубастыхъ и мерзкихъ отраслей управленія, «трудящіеся у власти», потому что только людямъ господствующаго, властвующаго сословія прощается то, что другихъ приводитъ «к стенке» или въ «концлагерь». И,

наконецъ, «трудящіеся у власти», потому что они при... винтовкѣ!

Людямъ, не бывавшимъ въ Совдепіи, или давно ее покинувшимъ, трудно себѣ представить, до какой степени обладаніе винтовкой поддерживало въ Совдепіи ощущеніе обладанія «властью». Когда-то винтовка имѣла строго опредѣленное и строго же ограниченное назначеніе. Атмосфера гражданской войны съ одной стороны и гайдамацки-коммунистическій милитаризмъ съ другой — придали факту обладанія, законнаго обладанія винтовкой совсѣмъ иной смыслъ. Винтовка потеряла свое прежнее, строго ограниченное значеніе. Она въ сознаніи ея обладателя огромной мощности символъ власти. Въ своей работѣ: «Терроризмъ и коммунизмъ» К. Каутскій достаточно выяснилъ эту морально ужасающую силу оружія, порожденную войной.

Въ Совдепіи даже въ самые спокойные періоды, въ темную ночь можно было слышать близкую или отдаленную пальбу. Не стоило тревожить кровавыми призраками свое измученное воображеніе и думать, что это обязательно кого-нибудь разстрѣливаютъ или пристрѣливаютъ. Нѣтъ, надо было думать о томъ, что это нѣкто, держащій революціонный шагъ, легкимъ прикосновеніемъ къ собачкѣ заставляетъ безкорыстно звучать музыку своей власти. Это въ темную ночь звучала эолова арфа пролетарской власти...

«Не бойтесь человѣка съ ружьемъ» — говорилъ Ленинъ еще въ 1918 г. Это было циничной бравадой и ложью притомъ. Потому, что въ этомъ все дѣло: надо бояться человѣка съ ружьемъ. Потому что коммунизму нуженъ именно такой человѣкъ съ ружьемъ, котораго бы боялись. Это нужно не столько для смиренія пугающихся, сколько для гордыни пугающаго. Я власть, я сила — потому что меня боятся... Вся государственная машина — собачка. Тронешь и... пифъ, пафъ! И человѣкъ, которому вручена собачка, преисполняется гордымъ сознаніемъ. Онъ при собачкѣ — онъ при власти.

Въ Совдепіи это такъ. До омерзительной ясности такъ. И шальная днемъ и ночью пальба — того же символическаго характера и назначенія. Я помню, какъ въ одномъ крупномъ южномъ городѣ послѣ прихода большевиковъ выдали для внутренней охраны оружіе право-меньшевистской, ярко «контръ-революціонной» организаціи. Я наблюдалъ радостно-удовлетворенный видъ этихъ контръ-революціонеровъ и непроизвольное линяніе ихъ анти-большевистскихъ чувствъ. Даже эти стали соучастниками власти, хлебнули сладкой отравы и почувствовали себя «строителями жизни».

Кажется патроновъ имъ не выдали. Скоро забрали и винтовки. Стало скучно. Оппозиціонныя чувства контръ - революціонеровъ

воскресли вновь съ прежней силой. Власть осталась у тѣхъ, у кого остались винтовки...

Когда говорятъ о томъ, что совѣтская власть совершенно оторвалась отъ народа, то надо думать и о томъ, что оторвалась она какъ клещъ... Вырваны изъ народнаго тѣла клочья безформеннаго мяса, вырваны клочья истерзанной народной души. Оторвавшись, она оставила въ немъ свои разрушительные яды, вызвавъ цѣлый рядъ острыхъ, воспалительныхъ процессовъ.

Объ этомъ дальше.

V.

РАЗВѢНЧАНІЕ ТРУДА.

Революція усталости.

Согласно оффиціальному краснорѣчію, совѣтская республика — это «республика трудящихся». Труду — почетъ и мѣсто. Труду — «вся власть». Такъ пишутъ и говорятъ, безконечно много пишутъ и говорятъ представители совѣтскаго режима. Между тѣмъ совѣтскій режимъ въ дѣйствительности весь проникнутъ не волей къ труду, а волей отъ труда. Въ этомъ была его притягательная сила для массъ.

Было бы глубокой ошибкой разсматривать это явленіе съ точки зрѣнія вульгарной лѣни или бездѣлья. Нѣтъ — здѣсь таится глубокая драма русскаго народа, которую въ цѣляхъ удержанія у власти только хорошо использовали большевики.

Октябрьская революція была, если хотите, революціей усталости. То огромное физическое и моральное перенапряженіе русскихъ трудящихся массъ, о которомъ я писалъ выше, требовало властно отдыха. Наблюдатели западно-европейской жизни констатировали эти черты глубокой усталости даже въ странахъ высокой индустріальной культуры, гдѣ интенсивность труда всегда была неизмѣримо выше, чѣмъ въ Россіи. Тамъ мы имѣли пролетаріатъ, поколѣніями приспособлявшійся физически и духовно къ интенсивному темпу и ритму высоко развитой индустріальной культуры. При томъ самый составъ пролетарскаго класса былъ болѣе стойкимъ, болѣе постояннымъ, чѣмъ въ Россіи, гдѣ процессъ образованія центральнаго ядра рабочаго класса только начался, гдѣ количественный ростъ рабочаго класса совершался меньше всего за счетъ города, а больше всего за счетъ деревни, гдѣ самая граница между индустріей и земледѣліемъ была крайне неопредѣленной, и гдѣ процессъ соціальной конденсаціи пролетаріата еле поспѣвалъ за процессомъ его стихійнаго разжиженія. Война придала этому

процессу разжиженія рабочаго класса Россіи огромные размѣры. Въ лихорадочную, а по россійскимъ условіямъ и каторжную атмосферу военной промышленности были втянуты безформенныя толпы людей, совершенно далекихъ отъ трудового темпа и трудового ритма современной индустріи. И, если роковыя черты усталости, паденія воли къ труду стали констатировать въ странахъ высокой общей и индустріальной культуры, гдѣ пролетаріатъ и лучше питался и былъ менѣе закабаленъ, чѣмъ въ Россіи, то легко понять, до какихъ трагическихъ размѣровъ должна была дойти эта усталость въ Россіи. Каковы бы ни были причины октябрьской революціи, она во всякомъ случаѣ разыгралась на этой почвѣ, въ этой соціально-психологической атмосферѣ. Въ дальнѣйшихъ событіяхъ это обстоятельство сыграло роковую роль. Во всякомъ случаѣ оно стало исходной точкой воздѣйствія большевизма на массы и орудіемъ укрѣпленія ихъ власти. Въ какомъ же направленіи шла эта работа?

Нѣсколько фактовъ выяснятъ намъ методъ соціальнаго внушенія большевизма въ этой области. Когда въ Петербургѣ свирѣпствовала холерная эпидемія, на уборку гнившихъ на кладбищахъ труповъ и рытье могилъ посылались подъ командой рабочихъ, снабженныхъ винтовками, партіи «буржуевъ». Работы по очисткѣ улицъ велись такимъ же образомъ. Въ Одессѣ на людныхъ улицахъ устраивались грандіозныя облавы, во время которыхъ ловили получше одѣтыхъ барышень и дамъ и отправляли ихъ мыть и чистить казармы и конюшни. Это были партизанскія т. с. выступленія. Затѣмъ ввели трудовую повинность. На всякаго рода землекопныя грязныя и черныя работы посылались буржуи. Производительность ихъ труда и качество исполняемой работы стояли, конечно, ниже всякаго уровня. Это было чистѣйшимъ надругательствомъ надъ идеологіей труда, надъ его святостью, благостью и, главное, надъ его производственнымъ смысломъ. Люди ковыряли лопатой и киркой и каждое ихъ движеніе, вся картина въ цѣломъ являлась глубокимъ издѣвательствомъ надъ основнымъ началомъ человѣческаго бытія — трудомъ. Авторъ этихъ строкъ принялъ участіе въ болѣе или менѣе «вольномъ» извращеніи идеи труда — въ коммунистическомъ субботникѣ, куда было согнано до 5000 чел. совѣтскихъ служащихъ. Эти 5000 человѣкъ — интеллигентовъ, «совбуровъ», пристроившихся на службѣ мелкихъ спекулянтовъ, барышень на высокихъ каблучкахъ и съ напомаженными губами продѣлали до мѣста работы и обратно пѣшкомъ 25 верстъ въ страшную жару, испортили на нѣсколько сотъ тысячъ рублей обуви и платья, прогуляли приблизительно на 1 милліонъ рублей совѣтскаго однодневнаго жалованья, т. к.

въ этотъ день въ канцеляріяхъ ужъ не работали, получили около 3000 хлѣбовъ безплатно, пѣли пѣсни, испортили много инструментовъ и наработали — выбрали столько земли, сколько шутя, по словамъ сопровождавшаго насъ инженера, выберутъ за нѣсколько часовъ... 300 человѣкъ рабочихъ. Т.-е. производительность каждаго изъ насъ составляла менѣе 6% минимальной производительности средняго рабочаго при издержкахъ производства во много разъ превышавшихъ нормальныя издержки нормальнаго, а не кощунственно-карикатурнаго трудового процесса.

Въ это время всюду на биржахъ труда регистрировали десятки тысячъ безработныхъ, для которыхъ не было работы и которыхъ не было для работы, потому что это наблюдалось кругомъ: безработные не шли на указанныя биржей мѣста или быстро ихъ покидали, ибо биржи труда очень скоро превратились въ мѣсто регистраціи и явки безработной аристократіи, для которой совѣтскій режимъ разрѣшилъ окончательно и безповоротно основной вопросъ: кто долженъ уголь таскать... Безработные предпочитали получать грошевыя выдачи деньгами и безплатные обѣды въ общественныхъ столовкахъ, чѣмъ идти на указываемыя биржей работы.

Насъ здѣсь интересуетъ не экономическая сторона этого явленія, а его идеологическое и психологическое значеніе. Трудъ повседневный, систематическій, въ особенности работа сколько-нибудь физически тяжелая или непріятная рѣзко противорѣчитъ воспитываемому и подогрѣваемому большевизмомъ чувству соціальной привилегированности. На почвѣ универсальной усталости, о которой мы говорили выше, унавоженной демагогической проповѣдью соціальной избранности пролетаріата и примитивной мести шелковымъ чулкамъ, рушилась трудовая инерція, трудовая психика все большихъ рабочихъ массъ. Право на трудъ и обязанность труда становились соціально-психологическими безсмыслицами въ обстановкѣ искусно подогрѣваемаго босяцкаго аристократизма. Ихъ замѣняло «право на лѣность» — это названіе парадоксальнаго памфлета Лафарга сильно подходило къ соціально-психологической атмосферѣ, созданной въ Россіи большевистской демагогіей.

Какой же это, чертъ возьми, соціализмъ, какая это диктатура пролетаріата, если я при нихъ долженъ дѣлать то же самое, что при капитализмѣ и диктатурѣ буржуазіи? Какой прокъ въ томъ, что буржуевъ рѣжутъ, какъ на бойнѣ, если по прежнему я долженъ чистить сточныя канавы, копаться въ грязи и во-

обще тянуть проклятую трудовую лямку? Массамъ нуженъ разительный шокъ инобытія именно въ той сферѣ, какая прежде была наиболѣе острымъ проявленіемъ ихъ соціальной приниженности. Если раньше проклятіемъ былъ трудъ, то что же явится благословеніемъ новаго міра? Не отрицаніе ли труда, какъ принудительнаго принципа бытія, не превращеніе ли его въ репрессію противъ прежнихъ угнетателей, не орудіе ли классовой мести? Кто долженъ теперь уголь таскать? Неужели все онъ же — пролетаріатъ?

Большевизмъ чувствовалъ этотъ страдальчески недоумѣнный и вмѣстѣ съ тѣмъ протестующій взглядъ коллективной угольщицы и онъ ее успокаивалъ, онъ ее утверждалъ въ ея правахъ на отдыхъ, на радость недѣланія, на сопричастіе къ командованію тѣми, кто всю жизнь командовалъ ею. Большевизмъ не могъ, объективно не могъ поддерживать паѳосъ труда, онъ долженъ былъ трудъ развѣнчать, заклеймить его печатью проклятья, превратить его въ издѣвку надъ былыми господами. На заборахъ Совдепіи висѣли картинки: буржуй съ застывшимъ ужасомъ въ глазахъ мететъ улицу, рабочій при винтовкѣ, его охраняющій, самодовольно смѣется... Смѣется и публика. Это стилизованная фотографія совѣтской дѣйствительности. Что такое рабочій? Это герой. Это избранникъ исторіи. Почему — потому, что онъ работаетъ,

создаетъ всѣ блага жизни? Нѣтъ! Онъ герой, онъ избранникъ, потому что столѣтіями онъ въ потѣ лица своего и въ кандалахъ капитализма работалъ до сего дня. Потому что онъ безмѣрно страдалъ. Потому что онъ сдѣлалъ революцію и дѣлаетъ ее каждый день. Вотъ источникъ его соціально-политическаго и нравственнаго самоутвержденія. Не производственная или экономическая функція, а историческія обиды и историческія заслуги. Власть не трудящихся, а трудившихся. Привилегія, избранничество, какъ говорится въ судебныхъ приговорахъ, «въ виду пролетарскаго происхожденія». Революція уставшихъ каторжниковъ, превратившаяся въ профанацію и развѣнчаніе труда.

Худо ли это было или хорошо, но въ психологіи соціализма всегда имѣлся этотъ нравственный упоръ на трудъ, нѣкая гордыня, проистекавшая изъ такого простого факта, что трудъ — источникъ всего общественнаго бытія и что вслѣдствіе этого преимущественный носитель труда — самый необходимый классъ общества. Россійскій коммунизмъ совершенно убилъ эту моральную базу пролетаріата. Что особеннаго въ положеніи пролетарія? Всѣ работаютъ, всѣ обязаны работать. Для созданія соціальной привилегіи, иллюзіи ея, убили моральную привилегію труда. Всякій долженъ работать, значитъ всякій можетъ работать. Здѣсь нѣтъ избранныхъ и призван-

ныхъ, здѣсь нечѣмъ гордиться. Здѣсь любой пшютъ у мѣста. И не здѣсь, не въ этомъ особая стать пролетаріата. У него болѣе священныя и почетныя функціи и обязанности. Онъ осуществляетъ соціализмъ, дѣлаетъ революціи, стоитъ на стражѣ, стоитъ у власти, преслѣдуетъ контръ-революцію...

Вотъ гдѣ большевистскій развратъ принесъ наиболѣе жестокій вредъ. Онъ обѣщалъ раскрѣпостить трудъ и обезцѣнилъ его, развѣнчалъ, обезцвѣтилъ, вульгаризировалъ его и въ итогѣ проклялъ. На свою же голову, конечно. И, если вы хотите понять, откуда эта безумная дезорганизація хозяйственной жизни Россіи, катастрофическое паденіе производительности труда, эта сплошная мерзость электрофицированнаго пошехонства, это массовое устремленіе рабочихъ въ спекуляцію, то ищите причину всего этого развала не только въ области коммунистической экономики и политики, но и въ этой области психическихъ воздѣйствій на трудящіяся — трудившіяся массы, въ этомъ гипнозѣ соціальной привилегіи, въ этой азартной демагогіи, убивавшей душу живую трудового процесса. Трудъ становился въ Россіи психологически невозможнымъ, независимо отъ того, что онъ разлагался, гнилъ экономически, технически и организаціонно. Разрушался основной, самый главный факторъ производства — трудовая психологія массъ и это, можетъ быть, самая

крупная жертва, принесенная во имя удержанія у власти господствующей партіи, во имя поддержки ея сбившимися въ міровую непогоду съ трудового пути массами.

КОНЦЫ

VI.

КОГДА ИЛЛЮЗІИ ГИБНУТЪ.

Исполненіе большевизма.

Таковы были начала большевизма. Таковы были пружины той психологіи, при помощи которой, усиливая, поддерживая и утилизируя ее, большевики первые годы держались у власти. Но въ этихъ началахъ коренились и концы большевизма. Черезъ 2—3 года укрѣпленія своей власти при помощи обрисованныхъ нами методовъ съ большевизмомъ случилось роковое несчастье. Онъ побѣдилъ! Онъ, если можно такъ выразиться, потерпѣлъ... побѣду. Онъ таки додушилъ буржуазію и, придушенная въ тѣхъ ея формахъ, главнымъ образомъ видимыхъ проявленіяхъ, которыя питали соціальную ненависть массъ, и механическая, демагогическая борьба съ которыми давала массамъ иллюзію соціальнаго искупленія, — она потеряла значеніе того «турки», на головѣ котораго проявлялась «сила пролетаріата». Рано или поздно, но шумъ

и трескъ борьбы съ буржуазіей, стоны и крики удушаемыхъ должны были прекратиться. Исчезла иллюзія того самонужнѣйшаго дѣла, которое поддерживало въ массахъ боевой, мстительный пылъ. Все уже стало націонализированнымъ, буржуй притихъ, забился въ норы, сталъ совбуромъ, сѣлъ въ совѣтскій бестъ, убѣжалъ за-границу, массами былъ разстрѣлянъ — большевизмъ потерпѣлъ побѣду.

Стало пусто, скучно... Наступило то убійственное для всякой диктатуры равенство, при которомъ исчезли тѣ бьющія въ глаза различія между избранными и отверженными, между пролетарской аристократіей и буржуазнымъ плебсомъ, какія главнымъ образомъ служили психологической скрѣпой между большевистскими владыками и массами. Для большевистской демагогіи нуженъ былъ, до-зарѣзу нуженъ былъ буржуй и притомъ недодушенный, энергично душимый, но недодушенный. Додушенный — онъ потерялъ прежнюю притягательную силу и прежнюю роль «турки». Сѣрая мрачная пелена, однообразно покрывшая Россію, сѣрая, мрачная пелена равенства въ нищетѣ убила паѳосъ соціальной привилегіи, убила иллюзію избранничества. То, что осталось отъ буржуазіи въ Россіи, приспособилось къ совѣтскому быту, приспособило его къ себѣ. Между тѣмъ пролетаріатомъ, который имѣлся въ Россіи и той буржуазіей,

которая въ немъ осталась, произошло соціально-психологическое сближеніе въ томъ смыслѣ, что оба эти элемента были полонены одной и той же стихіей мелкобуржуазныхъ отношеній, страстей. Спекуляція, казнокрадство, лихоимство и лиходательство, хищничество, подлоги, торгашество, воровство, ложь, лицемѣріе и притворство стали той общей почвой, на которой встрѣтились и протянули другъ другу руки многія соціальныя и культурно-бытовыя группировки Россіи. Исчезла возможность питать иллюзіи широкихъ массъ, исчезла возможность пышныхъ, грандіозныхъ, варфоломѣевскихъ постановокъ соціальной революціи пролетаріата. Исчезли даже всѣ «фронты», по ту сторону которыхъ бѣлогвардейцы предусмотрительно заготовляли каждый разъ огромныя горы всякаго буржуазнаго добра, неудержимо манившаго массы на бой кровавый, на военно-продовольственныя драгонады революціоннаго милитаризма.

Большевизмъ исполнился. Въ Россіи «миръ», въ Россіи «равенство»... И «додушена буржуазія». И пусто, пусто стало въ душахъ, бывшихъ красно-пламенными и ставшихъ сѣро-зольными...

Это роковой итогъ всякой диктатуры, пытающейся удержаться въ сѣдлѣ методами террористическаго доппинга и соціально-политической демагогіи и провокаціи. Успѣхи ея на этомъ пути для нея гибельны не только по-

тому, что это разрушаетъ экономическую жизнь страны, дезорганизуетъ отправленіе элементарныхъ функцій общежитія и тѣмъ самымъ подрываетъ почву подъ самой властью даже въ такомъ примитивномъ ея назначеніи, какъ кормленіе толпъ и полчищъ ея жадныхъ и ревниво настойчивыхъ слугъ и рабовъ. Погибаетъ не только матеріальный базисъ власти (1000 триллюновъ бумажныхъ денегъ— 1,000,000,000,000,000!) погибаетъ — и это для власти страшнѣе — психологическая скрѣпа между нею и той массой, которую удерживали за собою грандіозными, феерическими ставками на соціальную революцію въ стилѣ опрокинутой пирамиды. Слабѣетъ неизбѣжно сила соціальной иллюзіи, облетаютъ ея цвѣты не только потому, что на кострѣ соціальной революціи ничего нельзя сварить сѣдобнаго, но и потому, что вокругъ него нельзя уже и душевно обогрѣться, такъ какъ нечего больше въ него подкладывать, все уже спалили — буржуя, бѣлогвардейца, меньшевика, саботажника, все ниже огненные языки, угольки покрываются золой, становится холодно, холодно и неуютно кругомъ.

Такимъ приблизительно было положеніе власти и ея массъ къ серединѣ 1920 года. Побѣда была одержана на всѣхъ фронтахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Но именно въ этотъ моментъ началось паническое въ полномъ безпорядкѣ и ужасномъ смятеніи отступленіе на

томъ фронтѣ, единственно ради котораго велась борьба, отчаянная и героическая, на всѣхъ другихъ фронтахъ — на фронтѣ коммунистическомъ. Едва запоздавшій владѣлецъ давно закрытой лавки успѣлъ взобраться на лѣстницу, чтобы снять шокировавшую соціалистическую эстетику и моралъ вывѣску, какъ ему снизу подали приказъ: торгуй Емеля, твоя недѣля. Отъ радости онъ чуть съ лѣстницы не свалился и, взобравшись на нее, чтобы контр-революціонную вывѣску удалить, оную вывѣску сугубо укрѣпилъ.

Но тутъ вскорѣ обнаружился трагическій парадоксъ, трагическій можетъ быть не только для большевизма. А именно: чѣмъ серьезнѣе были попытки большевиковъ приладить свою политику къ буржуазной и мелко-буржуазной стихіи Россіи, т. е., иначе говоря, чѣмъ менѣе безумной становилась большевистская политика, тѣмъ большевистскій режимъ представлялъ меньше соблазна для массъ, соблазненныхъ иллюзіей и практикой соціальной привилегіи. Весь соблазнъ коммунизма былъ въ его безуміи. Большевизмъ былъ имъ дорогъ ровно постольку, поскольку онъ талантливо и энергично бередилъ въ нихъ иллюзорное ощущеніе соціальнаго избранничества. Но коммунизмъ, дающій ходъ буржуазіи — это архіерей на велосипедѣ. Это для неискушенныхъ массъ зрѣлище совершенно невыноси-

мое. Массы не пріемлютъ, выражаясь модной фигурой, правой политики, дѣлаемой лѣвыми руками, хотя бы по существу эта правая политика соотвѣтствовала ея желаніямъ. Тотъ, кто буржуазію удушалъ и именно въ этомъ качествѣ былъ пріятенъ, не встрѣтитъ отклика, буржуазію ублажая, хотя бы противъ этого не оказалось принципіальныхъ возраженій. На велосипедахъ должны ѣздить только штатскіе люди, а не духовныя особы. Такимъ образомъ чѣмъ больше большевизмъ уступалъ требованіямъ жизни, тѣмъ больше увеличивалась пропасть между нимъ и массами. Въ этомъ отходѣ отъ совѣтской власти былъ поэму не только, а на первыхъ порахъ даже не столько отходъ отъ собственныхъ иллюзій, сколько отходъ отъ тѣхъ, кто эти иллюзіи сталъ слишкомъ ужъ грубо разрушать, пытаясь удержаться у власти слишкомъ ужъ бьющими въ глаза компромиссами съ тѣми, по адресу которыхъ все время изъ устъ властителей слышалось и радостно воспринималось одно: ату его...

До приблизительно конца 1921 года казалось возможной на этой почвѣ вспышка своего рода красной Вандеи противъ коммунистическихъ реставраторовъ капитализма. Потому что новый курсъ, взятый совѣтской властью, былъ для многихъ, вѣрившихъ въ нее, готовыхъ за нее жизнь свою отдать, огромной соціально-психологической катастрофой.

Массы, видѣвшія, радостно ощущавшія неравенство **подъ** собою, къ ужасу своему стали замѣчать неравенство надъ собою... Что это такое!? Откуда это? Комиссарская знать... Шикарные туалеты комиссарскихъ женъ и любовницъ... Кутежи. Совѣтскіе пшюты, галантные френчмэны... Пролетки, выѣзды. Пышный, торжественный театральный разъѣздъ... Барскія замашки... Бриллiантовый коммунизмъ! Вѣдь это все «наши». «Гдѣ дорогая мебель, ковры, картины» — спрашивалъ въ письмѣ въ редакцію глубоко потрясенный рабочій. И на комъ же эти шелковые чулки? И что это за «профессорскіе пайки» и ударные пайки? И что это за господа такіе — «спецы»? Что это — соціализмъ или специализмъ? Какія развязно-наглыя физіономіи появились въ коммисаріатахъ, наглыя не съ «ними», а съ «нами»! Откуда поперъ онъ — этотъ буржуй, котораго мы давили, какъ клопа? И что это за молодчики по заграницамъ шуры-муры съ акулами капитализма разводятъ? Кто это грабитъ награбленное у грабителей капитализма?

Тысячи скорбныхъ, недоумѣнныхъ вопросовъ каждый день, на каждомъ шагу, тысячи уколовъ чувству и иллюзіи соціальнаго избранничества... И вѣдь все это въ тысячи разъ замѣтнѣе, чѣмъ прежде, когда оглушалъ, возбуждалъ, радовалъ и утѣшалъ шумъ

и трескъ сокрушенія буржуазіи, бѣлогвардейцевъ, Антанты и т. п.

Началась чистка коммунистической партіи. И величайшая, мучительная для вѣрующихъ иронія судьбы: были нерѣдко случаи, когда изъ партіи выкидывались вонъ совершенно или впредь до исправленія особенно упорные противники новаго капиталистическаго курса.

Какой же онъ, простите, коммунистъ, если онъ противъ возвращенія предпріятій предпринимателямъ, противъ свободной торговли, противъ концессій иностраннымъ капиталистамъ, противъ возобновленія биржъ, банковскихъ операцій, противъ платности всѣхъ услугъ государства, противъ сдачи въ аренду земли управляющимъ бывшихъ помѣщиковъ и т. п.? Онъ никуда негодный коммунистъ, ибо настоящій коммунистъ нынѣ насаждаетъ капитализмъ и Стекловъ, не вполнѣ увѣренный въ томъ, не выброситъ ли его за ноги Дзержинскій, грозилъ выбросить за ноги противниковъ «новаго курса».

Состояніе сознанія рабочихъ массъ, вѣрившихъ коммунистамъ, видѣвшихъ въ нихъ суровую Немезиду капитализма, получилось крайне смятенное и запутанное. И когда мы въ рядахъ противниковъ «новаго курса» видѣли дѣятелей чрезвычайки, то это пикантное обстоятельство заслоняло гораздо болѣе важное явленіе, что среди противниковъ этого

курса были наиболѣе честные, хотя и наиболѣе наивные рабочіе и интеллигентскіе элементы коммунистической партіи, для которыхъ 25 октября 1917 г. было всемірно-историческимъ «нынѣ отпущаеши». Они вѣрили и вѣрятъ въ коммунизмъ, ничего не понимаютъ, политически и душевно раздавлены новой политикой и не видятъ они — несчастные слѣпцы — что ихъ вождь, не столько Бухаринъ, сколько Дзержинскій...

Тѣ главари спасали, спасаютъ свою власть поворотомъ на 180 градусовъ въ сторону капитализма, а эти — паства, готова, казалось, была пойти на переворотъ, чтобы спасти свою глубоко потрясенную вѣру. Честные и наивные пошли противъ политическихъ плутовъ и мошенниковъ. Борьба между ними, казалось, можетъ принять жестокія формы. Если сегодня «коммунизму» честныхъ брасаютъ гекатомбу жертвъ изъ числа «буржуевъ», то завтра въ угоду «капитализму» мошенниковъ могли «размѣнять» пару другую особенно упорствующихъ старовѣровъ...

Можно было терпѣть голодъ, холодъ, нищету, болѣзни, милліонъ терзаній, покуда была жива эта иллюзія господства... Бѣдна Маша, да наша. Но если Маша не наша, то ея уродливыя черты, ея мерзкая суть становятся невыносимыми.

Казалось, будетъ бунтъ, будетъ возстаніе красной Вандей. Т. н. «рабочая оппози-

ція» бурлила. Но это всежъ были бунтующіе рабы. Ихъ Спартакусовъ легко было купить и подкупить. Плуты и мошенники оказались и среди нихъ. Ихъ паства была жалка и безсильна... и труслива. Она не могла не разложиться нравственно въ демагогическомъ лупанаріи Р. К. П. Плуты и мошенники легко справились съ честными и наивными. И тѣ и другіе ревностно разстрѣливали кронштадскихъ матросовъ, возставшихъ противъ совѣтской власти во имя... ея принциповъ. Обагривъ свои руки въ крови кронштадцевъ, ортодоксально-коммунистическая оппозиція убила себя на вѣки.

Поджигатели въ роли пожарныхъ.

Было бы ужасно для Россіи, если бы у этой «рабочей оппозиціи» оказались силы побѣдить плутовъ и мошенниковъ оффиціальнаго правительственнаго курса. Русскому народу необходимо побѣдить и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ и одновременно. Наивные утописты причинили бы Россіи неизмѣримо больше страданій, чѣмъ плутовскіе реалисты.

Нужно побѣдить ихъ вмѣстѣ и одновременно. Но плуты сами спѣшатъ выполнить часть этой задачи..

На борьбу съ соціальнымъ магизмомъ и иллюзіонизмомъ поднялись сами маги и престидижитаторы коммунизма. Здѣсь массы, вѣ-

рившія коммунистамъ, зараженныя ихъ утопіями, освобождаются отъ нихъ не потому, что пришелъ ко власти соціальный антиподъ, мстительный и жестокій, который мѣрами кровавой репрессіи сталъ вышибать «завиральныя идеи», а потому, что несостоятельность этой утопіи, имѣвшей полный политическій просторъ для своего осуществленія въ фактѣ господства ея носителей, стала ясна на практикѣ самимъ утопистамъ, увидѣвшимъ въ ея проведеніи угрозу самому существованію ихъ диктатуры.

Съ точки зрѣнія интересовъ демократіи и соціализма было бы выгоднѣе, чтобы на другой день послѣ сверженія совѣтской власти имъ пришлось имѣть дѣло съ пролетаріатомъ, разставшимся съ коммунистическими утопіями до того, еще въ лонѣ т. н. «пролетарской власти», какъ для демократіи было бы выгоднѣе, чтобы новый республиканскій строй засталъ населеніе, свободное отъ утопіи и традицій абсолютизма. Ибо очень часто безжизненная идея, утопія, соціальная иллюзія встаетъ на время изъ мертвыхъ, грозная не праведнымъ ликомъ своей жизни, а страдальческимъ ликомъ своей смерти. Смертью смерть поправъ, насильственной — естественную, она воскресаетъ, чтобы вновь вокругъ имени ея пролилась кровь и по странѣ вновь прошла судорога гражданской войны.

Большевизмъ точно задался цѣлью самому убить коммунистическаго уродца, имъ же и рожденнаго.

Мы въ этомъ желаемъ ему успѣха. Для идейнаго провала «коммунизма» на Западѣ и въ Россіи курсъ на капитализмъ — средство довольно сильное. Но не надо упускать изъ виду, что вмѣстѣ съ водой большевизмъ выплескиваетъ изъ ванны и ребенка. Не «коммунизмъ» только вышибаютъ большевики изъ головъ своей паствы, но и основные элементы соціализма. И не только соціализма, но и самыхъ простѣйшихъ формъ экономической самозащиты рабочаго класса. Стачка стала признакомъ необычайной революціонной смѣлости не только въ глазахъ коммунистическаго начальства, но что гораздо печальнѣе, въ глазахъ безпощадно эксплоатируемыхъ массъ. И у послѣднихъ не только потому, что она наталкивается на безконечные виды репрессій хозяйственныхъ и полицейскихъ органовъ совѣтской власти, но и потому, что привиты чувства пассивности и рабства—съ одной стороны, и благочестивая ложь о единствѣ цѣлей и интересовъ коммунистическихъ хозяевъ и коммунизированныхъ рабочихъ — съ другой. Послушники на монастырскихъ промыслахъ не бастуютъ. Рабочіе послушники на промыслахъ коммунистическаго монастыря тоже не бастуютъ, хотя бы доподлинно было извѣстно, что монаси въ кельяхъ своихъ ведутъ жизнь содомитскую и пріемлютъ блага земные, включая и бакшишъ, во изобиліи. Рабочимъ весьма энергично проповѣдуется умѣренность и аккуратность въ дѣлѣ борьбы за самыя насущныя свои нужды. Только большевики сумѣли создать такое положеніе, что защиту своихъ экономическихъ интересовъ рабочіе вынуждены довѣрять своимъ хозяевамъ, опираясь на нихъ въ борьбѣ противъ... профессіональнаго союза своей профессіи. По крайней мѣрѣ объ этомъ говорилъ на происходившемъ въ сент. 1922 г. тарифномъ съѣздѣ видный большевистскій дѣятель Рудзутакъ.

«Наша тарифная комиссія стала въ рѣзкое противорѣчіе съ общеэкономическими условіями. Очень часто въ глазахъ широкихъ рабочихъ массъ не профсоюзы являлись защитниками интересовъ, а предприниматели или заводоуправленія, которые стремились выйти изъ твердыхъ рамокъ тарифныхъ ставокъ. Роль же профсоюза сводилась къ тому, чтобы силой закона заставить предпринимателей и заводоуправленія держаться въ установленныхъ рамкахъ».

Насъ здѣсь меньше всего интересуютъ большевики, не чувствующіе видимо, какая въ этихъ и многихъ другихъ подобныхъ признаніяхъ кроется жестокая оцѣнка пролетарской власти. Гораздо важнѣе состояніе сознанія революціонныхъ массъ, которыя вчера еще водили буржуя къ стѣнкѣ, а сегодня у

него же ищуть защиты противъ органовъ диктатуры пролетаріата и въ частномъ предпринимателѣ находятъ органъ защиты своихъ классовыхъ интересовъ.

Здѣсь смерть большевизма и это отрадно. Но здѣсь и надрывъ социальной психологіи класса, на голову котораго прежніе поджигатели стали лить ледяную воду въ такихъ количествахъ, что заморозили элементарныя чувства классовой независимости.

Принявъ впервые соціализмъ въ уродливой формѣ коммунизма, многіе отойдутъ и отъ соціализма. Исторія рабочаго движенія, въ особенности во Франціи, знаетъ много случаевъ, когда рабочія массы, разставшись на время съ иллюзорными, утопическими формами борьбы, уходили вообще отъ всякой борьбы. Эта опасность весьма велика и въ Россіи.

Въ тотъ моментъ, когда большевизмъ потерялъ возможность, а вслѣдствіе этого и способность, создавать въ рабочихъ массахъ иллюзіи соціальной привилегированности — въ этотъ моментъ большевизмъ умеръ. Ибо этого не слѣдуетъ забывать: большевизмъ былъ упованіемъ массъ, въ той или иной степени задѣтыхъ бунтарско-соціалистическими утопіями, окрашенными въ ярко-красныя цвѣта соціальнаго возмездія всему, въ чемъ эти массы видѣли символъ или реальность міра господской неправды. Это сдѣлало большевизмъ сильнымъ, стихійно-могучимъ потокомъ, въ

которомъ ложь методовъ, концепцій и индивидуальныхъ помысловъ безчестныхъ вожаковъ затушевывалась — въ сознаніи не только малыхъ сихъ — изступленной вѣрой, возжаждавшихъ чуда соціальнаго искупленія и преображенія, паствъ. Морально психологическая правда соціальнаго бунта не могла не отсвѣчивать на лицахъ холодно расчетливыхъ поджигателей и провокаторовъ.

Пламя пожара отражается и на лицахъ поджигателей. Здѣсь въ извѣстномъ смыслѣ оправдывается изреченіе Минье: во время революцій люди становятся тѣмъ, что о нихъ думаютъ. Это относится не только къ революціи и къ отдѣльнымъ людямъ, но и ко всякому историческому катаклизму и къ дѣйствующимъ въ немъ партіямъ. Но когда въ соціальное пожарище подкладывать больше было нечего, когда стало потухать пламя соціальной иллюзіи, тогда сатанинское величіе организаторовъ исполинскаго дансъ макабръ испарилось въ вульгарныхъ вывертахъ административно-дипломатической польки-мазурки. Бенгальскій злодѣй превратился въ бытового жулика. Это и была духовная смерть большевизма. Отъ него отлетѣлъ духъ живой, живой въ томъ смыслѣ, какой мы достаточно подробно выше выяснили.

Умеръ большевизмъ, но не умерла совѣтская власть. Большевизмъ ее родилъ и, родивъ, скоро умеръ. Въ немъ ужъ больше

надобности не было. Мало того, большевизмъ, какъ методъ и идеологія соціальной провокаціи, сталъ для власти опасенъ. Поджигателямъ пришлось стать пожарными и вводить порядокъ, устраивать всамдѣлишное государство. Изъ подрывного отряда, изъ команды поджигателей Совнаркомъ превратился, долженъ былъ, самосохраненія ради, превратиться въ пожарную команду.

Не это нужно было массамъ. Но массы перестали играть какую бы то ни было роль въ существованіи совѣтской власти. Она за время большевизма, благодаря ему, съумѣла стать самодовлѣющей военно-бюрократической силой, жестокой и безпощадно деспотической, использовавъ пламенную народную стихію, чтобы выковать въ ней желѣзный механизмъ государственнаго насилія. Массы спокойно и даже радостно видѣли наростаніе этой силы, полагая, что она цѣликомъ пойдетъ противъ буржуя, но онѣ не замѣтили, какъ всѣ орудія власти были отъ нея отчуждены и стали монопольнымъ владѣніемъ царствующей династіи, сопротивляться которой для массъ стало невозможнымъ.

Большевизмъ умеръ, родилась совѣтская власть. Но и совѣтская власть умерла — родилась власть Р. К. П. Теперь мы видимъ, что и власть Р. К. П. умираетъ... Но объ этомъ дальше.

VII.

БОЛЬШЕВИЗМЪ И КРЕСТЬЯНСТВО.

Легенда о мужикѣ.

Многимъ казалось, что, умеревъ въ рабочемъ классѣ, большевизмъ жилъ въ крестьянствѣ и крестьянствомъ. Многимъ кажется это еще и понынѣ. Существуетъ даже такая соблазнительная теорія, согласно которой всѣ побѣды красной арміи были побѣдами крестьянства, въ лицѣ большевиковъ почувствовавшаго носителя и выразителя своихъ соціальныхъ и политическихъ интересовъ. Героизмъ красной арміи склонны были разсматривать, какъ героизмъ русскаго крестьянства въ борьбѣ за свою землю противъ помѣщиковъ и за Русскую Землю противъ иностранныхъ завоевателей. Большевизмъ въ этой концепціи явился вождемъ національныхъ и соціальныхъ интересовъ русскаго крестьянства. Интересно, что эта концепція нашла себѣ выраженіе въ литературѣ офиціальной Р. С.-Д. Р. П.

Опасный соблазнъ этой теоріи заключается въ томъ, что ею такъ легко уязвлять большевиковъ. А-а, вы мнили стать пролетарской партіей, вы ниспровергали идею національной защиты, вы начали съ похабнаго мира и — стали мелкобуржуазной партіей крестьян-

ства, партіей національной защиты. Это для большевиковъ, что и говорить, очень язвительно, но не всякое средство уязвленія большевиковъ можетъ служить орудіемъ отысканія истины. Даже большевиковъ слѣдуетъ уязвлять болѣе доброкачественными аргументами.

Большевики никогда не были выразителями крестьянскихъ интересовъ. Большевики были только выразителями всероссійскаго военнаго дезертирства, питавшагося тягой наряженнаго въ солдатскій мундиръ мужика къ участію въ земельномъ дѣлежѣ, который начался до большевиковъ почти въ первый день мартовской революціи. Большевики стали партіей мужика-дезертира и только до тѣхъ поръ, покуда онъ былъ дезертиромъ и только до того, какъ онъ задачу своего дезертирства выполнилъ. Большевики были партіей крестьянства по дорогѣ съ фронта домой.

Какъ только крестьянинъ приходилъ домой на свою или ставшей своею землю, онъ становился ярымъ врагомъ совѣтской власти и совѣтская власть становилась его врагомъ и эта дикая вражда, то затихая, то разгораясь бушующимъ пламенемъ, ни на одинъ моментъ ужъ не затихала. Большевизмъ поддержалъ бунтъ крестьянства противъ Русской Земли для увеличенія размѣровъ своей земли. Большевики поддержали мужика въ тотъ моментъ,

когда онъ въ дезертирствѣ предавалъ Русскую Землю для того, чтобы увеличить размѣры своей.

Ибо велика и обильна Земля Русская, но мала и убога земля крестьянская...

Для любителей сравнивать большевистскую контр-революцію съ великой французской революціей и находить между ними сходство здѣсь имѣется богатый матеріалъ для размышленія. Французская революція дала землю не только французскому мужику, но и французскому государству. Она увеличила владѣнія не только французскаго мужика, но и французскаго народа. Она была революціей не мужика дезертира, а мужика завоевателя, прошедшаго со знаменами свободы по всей Европѣ. Было бы интересно сравнить стоимость земельнаго выигрыша русскаго крестьянства со соимостью территоріальныхъ потерь русскаго государства. Но не въ этомъ, конечно, дѣло.

Дезертирская жакерія октября 1917 года нужна была большевикамъ не столько въ цѣляхъ разрѣшенія аграрнаго вопроса, сколько въ цѣляхъ полученія вооруженныхъ толпъ въ тылу на поляхъ битвы открытой ими гражданской войны. Мужикъ воинъ нуженъ былъ большевизму въ городахъ, а не въ деревнѣ, потому что ихъ власть была въ городахъ и только завоевавъ городъ, большевики смогли утвердить свою власть.

Но въ городахъ война шла не съ помѣщикомъ. Она шла со всѣми прогрессивными силами страны, съ мозгомъ ея и совѣстью, съ русскимъ соціализмомъ и русской демократіей. Война деревни съ помѣщикомъ шла безъ всякаго почти вмѣшательства организованныхъ большевистскихъ силъ. Крестьянство само справилось съ помѣщикомъ, а когда и въ деревнѣ появились организованныя силы большевистскаго режима, то пришли они не для войны съ помѣщикомъ, котораго къ тому моменту уже не было, а для войны съ крестьянствомъ, безпощадной и дикой. Городъ, которому помогъ мужикъ обольшевичиться — этотъ люмпен-пролетарскій городъ, голодный, продрогшій, жалкій и несчастный, но жадный и алчный, объявилъ войну деревнѣ. Мужикъ, помогшій большевику побѣдить, въ лицѣ этого большевика получилъ свою Немезиду.

Мужикъ при винтовкѣ былъ использованъ какъ пушечное мясо пролетарской революціи. На плоды же крестьянской аграрной революціи пролетарская революція налетѣла какъ саранча. Мужикъ ей объявилъ безпощадную войну и въ этой войнѣ побѣдилъ. Большевизмъ былъ изгнанъ изъ деревни. Деревня забаррикадировалась отъ большевистскаго города и заставила его ползать передъ ней на колѣняхъ, вымаливая кусочекъ хлѣба, картофелину, щепотку муки, спуская ему за это послѣднюю исподнюю рубашку.

Но дорого заплатила деревня за эту побѣду. Голодъ 1921—1922 гг. — вотъ цѣна этой побѣды. Сокращеніе посѣвной площади на 35 проц., десятки милліоновъ десятинъ пустующей земли — другая цѣна.

Говорить при такихъ условіяхъ о большевизмѣ, какъ о выразителѣ крестьянской революціи можно только въ припадкѣ слѣпого доктринерства, когда до зарѣзу нужно «матеріалистическое» объясненіе сложнаго явленія и подъ рукою ничего нѣтъ. Крестьянская революція была антибольшевистской революціей и только такой она могла быть. Борьба за землю была борьбой противъ совѣтской властью. Потерявъ корни въ рабочемъ классѣ, большевизмъ ни на одинъ моментъ не пріобрѣталъ корней въ крестьянствѣ.

Мужикъ въ гражданской войнѣ.

Многіе, однако, склонны разсматривать участіе крестьянъ въ красной арміи, энергично и успѣшно боровшейся на бѣлыхъ фронтахъ противъ вождей помѣчичье-царской Россіи, какъ доказательство соціально-политическаго родства совѣтской власти съ крестьянскими массами, возставшими противъ стараго дворянскаго строя. Эта теорія, соціологически очень гладкая и для идеологіи соглашенія съ большевиками очень пріятная, основана однако на рядѣ заблужденій.

Прежде всего не надо забывать, что въ составѣ бѣлыхъ фронтовъ крестьянство было представлено относительно столь же сильно или столь же слабо, какъ и въ составѣ краснаго фронта. Это сразу портитъ стройность и научность теоріи. Мало того, часто эти бѣлые фронты возникали какъ разъ на почвѣ крестьянскаго возстанія противъ большевиковъ. Бѣлые фронты этими крестьянскими возстаніями все время питались. Но бѣлые часто погибали какъ разъ отъ возстанія противъ нихъ тѣхъ самыхъ крестьянъ, которые обусловили ихъ первые успѣхи. Это несомнѣнно. Но вѣдь и совѣтская Россія знала эти огромныя крестьянскія возстанія, возстанія, гораздо болѣе широкія и бурныя, чѣмъ въ полосѣ бѣлыхъ.

Большевизмъ отъ нихъ не погибъ. Но отъ того, что данный режимъ не погибъ отъ натиска возставшихъ противъ него массъ никоимъ образомъ нельзя заключать, что этотъ режимъ выражалъ, пусть даже не субъективно, а только объективно, соціально-политическіе интересы этихъ массъ. Крестьянство возставало и противъ большевиковъ и противъ бѣлыхъ генераловъ, потому что ни тѣ ни другіе не могли обезпечить за нимъ, создать въ немъ твердую увѣренность въ правѣ собственности на занятую землю и на добытые работой на ней продукты.

Такъ говорятъ факты, а не теоріи. Если же отдать дань болѣе или менѣе гипотетическимъ построеніямъ, то въ натискѣ красной арміи на бѣлыя окраины (это всегда были именно окраины) можно усмотрѣть стихійный порывъ голодной центральной и сѣверной Россіи на богатыя и изобильныя, не обнищавшія вслѣдствія отсутствія совѣтскаго рая, юго-западныя и юго-восточныя области, гдѣ горы всякаго стараго и новаго добра являлись притягательной силой для обитателей голоднаго совѣтскаго рая. Всѣ эти походы центра на окраины были по существу милитарной эмиграціей голодныхъ, истощенныхъ толпъ, зачарованныхъ волшебнымъ видѣніемъ сказочныхъ странъ, гдѣ буржуй и баринъ накопили вонъ сколько добра, никому не даютъ и сами все потребляютъ. Изъ совѣтскаго рая неудер. жимо тянуло въ капиталистическій, буржуазный адъ, потому что въ этомъ аду было и теплѣе, и сытнѣе, и чище, и богаче. Этотъ волшебно-соблазнительный адъ воспалялъ голодную фантазію и тѣхъ крестьянскихъ массъ, которые шли въ красную армію, но здѣсь мы стояли передъ сложнымъ явленіемъ гражданской войны въ средѣ русскаго крестьянства, когда голодный и нищій мужикъ центра шелъ войной на сытаго и богатаго мужика окраинъ. Во всякомъ случаѣ намъ думается, что на почвѣ изученія соціально - территоріальнаго разслоенія русскаго крестьянства гораздо легче

понять драматическій ходъ гражданской войны, войны бѣлыхъ съ красными, чѣмъ на почвѣ спекуляцій о національно-политическихъ настроеніяхъ русскаго крестьянства *). Здѣзь совсѣмъ ничего не было національнаго и совсѣмъ мало политическаго.

Теорію національно-крестьянскаго большевизма выдумали меньшевики и ужъ послѣ нихъ особенно усердно стали гарцовать на этомъ конькѣ смѣновѣховцы.

Наконецъ, послѣдняя попытка протянуть нить между большевизмомъ и русскимъ крестьянствомъ заключается въ слѣдующемъ. Говорятъ такъ: большевизмъ дѣйствовалъ въ духѣ революціи, шелъ по ея линіи, когда огнемъ и желѣзомъ очищалъ Россію отъ остатковъ помѣстнаго сословія, окончательно добивъ его соціально и политически. Большевизмъ этимъ самымъ довелъ до конца дѣло соціальнаго раскрѣпощенія крестьянства.

Если считать, что все это дѣйствительно случилось, то отъ утвержденія, что такое-то явленіе случилось *при большевизмѣ* до утвержденія, что оно случилось *благодаря большевизму* — дистанція огромнаго размѣра. Еще при самодержавіи въ послѣднія его десятилѣтія роль дворянскаго сословія не

*) Интересная попытка въ этомъ направленіи имѣется въ небольшой, живо написанной работѣ проф. А. Кулишера „**Das Wesen des Sowjetstaates**". Berlin 1921. **Verlag für Politik und Wirtschaft.**

только въ земледѣліи, но и въ землевладѣніи катастрофически падала. Процессъ этотъ шелъ неуклонно все болѣе ускорявшимся темпомъ и были серьезныя научныя попытки доказать и даже точно опредѣлить тотъ недалекій уже срокъ, когда отъ дворянскаго землевладѣнія ровно ничего не останется. Само правительство, дворянски-крѣпостническое правительство, вынуждено было ускорять иногда этотъ процессъ ликвидаціи помѣщичьяго землевладѣнія. Въ этомъ направленіи усердно работалъ Столыпинъ. Это все факты, которые излишне здѣсь объяснять и доказывать. Можно ли однако на основаніи этихъ несомнѣнныхъ фактовъ утверждать, что ликвидація дворянскаго землевладѣнія происходило благодаря самодержавію? Это было бы грубой ошибкой, и не меньшая ошибка приписывать большевизму заслугу соціальной ликвидаціи дворянства.

Если не скользить по поверхности явленій, а войти въ ихъ внутреннюю структуру, то надо сказать, что большевизмъ усилилъ шансы соціальной реставраціи крупнаго землевладѣнія. Дѣло не только въ декретѣ о сдачѣ бывшихъ имѣній бывшимъ управляющимъ помѣщиковъ, которые явятся только подставными лицами этихъ же помѣщиковъ. Дѣло даже не въ заявленной готовности отдать иностранцамъ десятки тысячъ десятинъ пахотной земли. Но вотъ что гораздо важнѣе. Соціальная

ликвидація какого-нибудь класса идетъ тѣмъ рѣшительнѣе и безповоротнѣе, чѣмъ быстрѣе и прочнѣе экономическій, политическій и соціальный ростъ класса-антипода. Поэтому ликвидація дворянскаго землевладѣнія только тогда можетъ быть воспринята, какъ окончательная и безвозвратная, если на другомъ соціальномъ полюсѣ, въ крестьянствѣ, замѣчаются интенсивные процессы количественнаго и качественнаго укрѣпленія хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ ростъ политической силы класса. Никто на станетъ отрицать, что вмѣстѣ съ ликвидаціей дворянскаго землевладѣнія въ годы, предшествовавшіе революціи замѣчались кой-какіе, иногда весьма серьезные прогрессивные процессы въ крестьянскомъ хозяйствѣ. При большевизмѣ и благодаря большевизму не только ничего подобнаго не было, но происходилю нѣчто діаметрально противоположное. Голодъ 1921 г. показалъ достаточно наглядно, что крестьянство и крестьянское хозяйство шли не только при большевизмѣ, но и благодаря бельшевизму, ко дну. Не помѣщика согналъ съ земли большевизмъ (онъ былъ согнанъ до большевизма) а крестьянина. Половина, посѣвной площади Россіи превратилась въ кладбища былой производительной мощи русской земли. И теперь мы можемъ это смѣло сказать: послѣ 5 лѣтъ преступленій большевизма аграрный вопросъ въ Россіи еще болѣе

тяжелый, болѣе больной вопросъ, чѣмъ послѣ 300 лѣтъ самодержавія. И въ области аграрной русскій большевизмъ явился силой контрреволюціонной, ослабивъ и разоривъ тотъ классъ, въ ростѣ котораго заключается главная гарантія противъ реставраціи кабальныхъ отношенія въ деревнѣ.

VIII.

БУРЖУАЗНЫЙ РЕВАНШЪ.

Продукты соціальнаго распада.

Значительно сложнѣе рисуется проблема взаимоотношеній между большевизмомъ и буржуазнымми элементами города. Пріятно убѣждаться какъ враждебная тебѣ сила, идя въ одну дверь, попала въ другую. Пріятно убѣждаться, что большевизмъ, пытавшійся насаждать коммунизмъ, сталъ насаждать капитализмъ. Какъ ни пріятно убѣждаться въ такихъ злоключеніяхъ твоихъ заклятыхъ враговъ, надо все таки провѣрить себя: нѣтъ ли въ этихъ пріятныхъ утвержденіяхъ значительной доли самообмана или въ всякомъ случаѣ такого преувеличенія, которое значительно искажаетъ соціально-политическую перспективу?

Стало обычнымъ послѣднее время такое утвержденіе: большевизмъ, уничтоживъ крупную буржуазію, истребляя ее огнемъ и мечемъ, вызвалъ къ жизни новые, огромные кадры средней и мелкой буржуазіи, которая все болѣе становится крупной соціально политической силой. Эта сила сейчасъ придушена, но въ свое время скажетъ свое вѣское слово.

Надо однако имѣть въ виду слѣдующее. Эта буржуазія — главнымъ образомъ торговцы и спекулянты. Но поразительное дѣло: чѣмъ меньше въ Россіи становилось вещей, тѣмъ больше въ Россіи появлялось людей, которые этими вещами торговали. Что промышленность, вообще производство всякихъ цѣнностей, стремительно въ Россіи сокращалось — это мы знаемъ; что Россія не являлась торговымъ посредникомъ между другими производящими странами — это мы тоже знаемъ. Что же при такихъ условіяхъ означалъ несомнѣнный ростъ мелко-торговой и средне-торговой буржуазіи?

Не что иное, какъ то, что число отдѣльныхъ операцій, падающиихъ на одну и ту же единицу продукта, расло съ неимовѣрной быстротой. Подошва, которая раньше шла отъ завода до владѣльца сапога черезъ 10 рукъ, стала гулять по 15—20—30 посредникамъ, при чемъ все явственнѣе становилась тенденція ея никогда до сапога не дойти,

а только нагуливать цѣну, прогуливаясь отъ одного посредника до другого, убѣгая отъ сапога, который ее втопчетъ въ грязь и уронитъ ея мѣновое достоинство.

Кто жилъ послѣдніе годы въ Россіи, тотъ видѣлъ и чувствовалъ, что здѣсь, въ этой странѣ парадоксовъ, становилось все меньше предметовъ потребленія и все больше предметовъ ... обмѣна. Извѣстенъ анекдотъ про одного россійскаго купца нашихъ дней, который купилъ и страшно выгодно продалъ вагонъ гвоздей. Черезъ нѣкоторое время на вырученныя деньги онъ купилъ уже только ящикъ гвоздей. Съ огромнымъ барышемъ продавъ ящикъ гвоздей, онъ черезъ нѣкоторое время на вырученныя деньги купилъ ... пакетъ гвоздей. Продавъ съ неслыханной прибылью пакетъ гвоздей, онъ спустя короткое время купилъ уже всего одинъ гвоздь, на которомъ и повѣсился.

Въ этомъ анекдотѣ кроется большое экономическое содержаніе. Вагонъ гвоздей раздробился не среди потребителей, а среди продавцевъ-спекулянтовъ. Вырученныя за него деньги безконечно уменьшались въ своей покупательной силѣ. Эти деньги шли не на производительныя затраты, а опять таки на спекуляцію. Покончившій самоубійствомъ купецъ только для того продалъ выгодно купленныя гвозди, чтобы затѣмъ покупать все меньшую долю ихъ первоначальнаго коли-

чества по все болѣе невыгоднымъ цѣнамъ. Результатъ: крупный торговецъ сталъ мелкимъ и, какъ въ одномъ разсказѣ Соллогуба, становясь все мельче и мельче, былъ однажды унесенъ неизвѣстно куда налетѣвшимъ сквознячкомъ.

Образованіе огромнаго кадра торгово-спекулятивныхъ элементовъ несомнѣнно результатъ большевистской политики. Но что означаетъ этотъ результатъ? Деградацію и вырожденіе экономической жизни, вытѣсненіе крупныхъ стойкихъ формъ экономической жизни мелкими и шаткими. Побѣду анархическаго распредѣленія надъ производствомъ. Паразитизмъ, какъ преимущественное выраженіе экономической жизни. Но въ суммѣ все это глубокая экономическая реакція. Это не элементы новой жизни, а продукты распада старой. Это превращеніе реальныхъ цѣнностей въ груды бумажно-денежнаго тряпья.

Несомнѣнно, дальнѣйшее энергичное развитіе НЭП'а нѣсколько затушевало этотъ глубоко реакціонный процессъ. НЭП несомнѣнно привелъ къ насыщенію спекулятивнаго рынка новыми объектами спекуляціи. Откуда все это взялось? Главнымъ образомъ изъ нѣдръ старыхъ скрытыхъ запасовъ, выползшихъ на свѣтъ вмѣстѣ со своими владѣльцами какъ только стало можно. По разсказамъ свѣдущихъ русскихъ торговыхъ людей новаго стиля въ Россіи были схоронены

колоссальные запасы товаровъ. Эти скрытые и вылѣзшіе затѣмъ запасы гальванизировали на время экономическую жизнь Москвы и еще нѣсколькихъ немногихъ пунктовъ.

Другимъ гальванизирующимъ средствомъ явился... голодъ. Крестьянинъ сталъ выпускать на рынокъ всѣ свои старые запасы продуктовъ, которые не могли пойти непосредственно въ пищу. Онъ вынужденъ былъ все это реализовать немедленно передъ угрозой голодной смерти, вынужденъ былъ распродать за безцѣнокъ во время своего бѣгства изъ пораженныхъ голодомъ раіоновъ. Грандіозный падежъ скота, массовое его уничтоженіе изъ за отсутствія корма тоже усилили товарный фондъ Россіи. Наконецъ введеніе платности всѣхъ услугъ государства и безпощадное примѣненіе налогового грабежа въ свою очередь заставили превратить въ деньги массу имущества и продуктовъ, насущно необходимыхъ въ цѣляхъ личнаго и производственнаго потребленія. Изъ русскаго народа были выкачаны такимъ образомъ всѣ остатки имѣвшихся еще реальныхъ благъ и превращены въ объектъ дальнѣйшей спекуляціи. Такъ въ Россіи началось экономическое оживленіе, которое, какъ это не трудно, понять превращается въ пламень, пожирающій послѣдніе остатки народнаго богатства.

Конечно, трудно сказать когда будетъ выкачано изъ страны все безъ остатка, но что такова все отчетливѣе выясняющаяся тенденція развитія — это не подлежитъ сомнѣнію.

Но если это такъ, то становится безсмысленнымъ утвержденіе, что большевизмъ создалъ новый соціальный слой — мелкую и среднюю буржуазію, которая является положительнымъ результатомъ пусть даже безсознательной политики большевизма. Всего только трупныхъ червей, червей, расплодившихся въ экономическомъ трупѣ Россіи — вотъ что создалъ большевизмъ. Нужно ясно понять, что не на почвѣ распредѣленія наличнаго запаса благъ, а только на почвѣ умноженія ихъ въ процессѣ національнаго труда могутъ выростать новые классы, новыя творческія группировки въ общественномъ цѣломъ. Тамъ же гдѣ гибнутъ естественные и искусственные ресурсы страны, могутъ появиться только такіе «классы», какъ нищіе, преступники, бандиты, наемные убійцы, люмпены всякаго рода, человѣческая мразь, но не классы, имѣющіе хоть какой-нибудь удѣльный соціальный вѣсъ.

*

Существуетъ въ Россіи еще одна многоголовая людская группа, которую обычно относятъ въ активъ мелкой и средней буржуазіи. Это безконечные кадры совѣтскаго чиновничества. Здѣсь, однако, недоразумѣніе

принимаетъ совершенно гомерическіе размѣры.

Вѣрно, что народились новыя, огромныя толпы людей, которыхъ никуда, ни въ одну соціальную рубрику не сунешь, кромѣ какъ въ эту: «мелкая буржуазія». Но сунешь именно потому, что больше некуда. Съ этимъ терминомъ «мелкая буржуазія» за послѣдніе годы стали въ публицистикѣ и въ политикѣ такъ же пошаливать, какъ въ свое время въ художественной критикѣ и въ понедѣльничныхъ газетахъ пошаливали съ кличкой «мѣщанинъ». Ни два, ни полтора — значитъ мѣщанинъ, а теперь «мелкая буржуазія».

Что же такое совѣтское чиновничество? Посколько оно занимается хищеніемъ казеннаго имущества, взятками, подлогами и т. п., къ нему можно отнести всѣ наши предыдущія указанія на роль и значеніе «мелкой буржуазіи». Посколько же оно только невинно строчитъ бумаги, утопая въ чернилахъ въ темныхъ трюмахъ совѣтскаго корабля — постолько это слой населенія безъ всякаго будущаго. Любой режимъ, сколько нибудь ладно скроенный, не идущій сознательно на созданіе всякаго рода бюрократическихъ канцелярскихъ синекуръ, можетъ сразу выбросить $^2/_3$ всѣхъ совѣтскихъ служащихъ, закрывъ безъ всякаго вреда соотвѣтствующее число канцелярій. Мало того, и это знаетъ всякій, кто видѣлъ, что происходило, когда большевики изъ какой

либо мѣстности уходили — съ исчезновеніемъ большевизма, когда откроется свобода труда и промысла и жизнь потечетъ хоть сколько нибудь нормально, огромное большинство совѣтскихъ чиновниковъ, за исключеніемъ самыхъ лѣнивыхъ, бездарныхъ и вороватыхъ, само броситъ постылыя канцеляріи. Лѣнивыхъ же, бездарныхъ и вороватыхъ все равно надо будетъ выгнать.

Все это не классы, не соціальные слои, не продукты соціальнаго роста, а продукты неслыханнаго, безграничнаго разложенія. Большевизмъ не создалъ ничего соціально значительнаго и все соціально значительное разрушилъ, загубилъ, засорилъ, развратилъ.

Чиновникъ съѣлъ интеллигента, русскій интеллигентъ сталъ канцелярскимъ чиновникомъ, винтикомъ, работающаго въ лучшемъ случаѣ впустую механизма — какой это огромный ударъ по всей русской культурѣ!

Воскресеніе изъ мертвыхъ.

Большевизмъ уничтожалъ промышленную буржуазію. Онъ ее уничтожалъ не столько терроромъ (терроромъ классы не уничтожаются) сколько разрушеніемъ всей хозяйственной жизни страны и сведеніемъ всей экономической энергіи націи къ энергіи дѣлежно-потребительской анархіи. Но, уничтожая буржуазію какъ производительный классъ,

большевизмъ не былъ въ состояніи совершенно уничтожить его соціальное значеніе, его удѣльный вѣсъ въ системѣ общественныхъ силъ. Въ этомъ нѣтъ ничего парадоксальнаго. Въ исторіи классы исчезаютъ въ два пріема: сначала исчезаетъ экономическая функція и затѣмъ лишь, часто только долго спустя, исчезаетъ ихъ соціальная и идеологическая роль въ системѣ общественныхъ силъ. Надстройки рушатся гораздо медленнѣе базиса.

Еще до разгара НЭП'а мы видѣли обильныя остатки крупной буржуазіи во всѣхъ складкахъ совѣтскаго механизма на командующихъ или во всякомъ случаѣ весьма вліятельныхъ роляхъ экономическаго управленія. Было руинировано, по бревнышкамъ растащено множество предпріятій. Но въ этомъ хищеніи видными участниками были какъ разъ капиталистическіе элементы прошлаго. Завкомы, агенты чека работали на нихъ — когда по прямому заданію, когда — косвенно, такъ какъ въ концѣ концовъ награбленное приходилось въ значительной долѣ спускать именно тѣмъ, кого ограбили. Почти внезапный, стихійнымъ потокомъ ворвавшійся НЭП, только обнаружилъ наглядно это обстоятельство. Появились во множествѣ товары, цѣнности и многочисленные ихъ владѣльцы и распорядители буквально изъ подъ земли. Но въ этомъ никакого чуда не было: подъ землю они были въ свое время спрятаны и спрята-

лись. НЭП въ этомъ отношеніи былъ только актомъ разоблаченія.

Но еще до НЭП'а положеніе было таково. Поскольку рѣчь идетъ о тѣхъ предпріятіяхъ и отрасляхъ промышленности, которыя могутъ быть еще возстановлены, или которыя еще существуютъ, крупная буржуазія не была убита. Убиты были отдѣльные промышленники. Остальные частью хранили свои акціи, которыя все еще имѣютъ цѣнность, частью около и вокругъ своихъ предпріятій присматривали за своимъ добромъ въ качествѣ «совѣтскихъ служащихъ», «спецовъ», частью правили остатками промышленной жизни въ разнаго рода наблюдающихъ, регулирующихъ органахъ, стараясь въ пользу «своихъ» отраслей оттянуть возможно больше финансовыхъ и сырьевыхъ ресурсовъ совѣтской республики.

Нынѣ всѣ эти элементы официально признаны, за ними ухаживаютъ, ихъ заманиваютъ на фабрики и заводы, но они предпочитаютъ ждать, не очень соблазняясь большевистскими посулами. Завтра, если слетитъ съ трона большевизмъ, они мгновенно твердой ногой станутъ у порога своихъ предпріятій и будутъ ждать депутаціи съ хлѣбомъ-солью отъ своихъ рабочихъ, нынѣшнихъ и прежнихъ. Завтра во многихъ предпріятіяхъ появятся новые владѣльцы, но уже не русскіе, а иностранцы, скупившіе акціи, и будутъ

вести себя такъ, точно ничего не случилось, никакой не только соціалистической, но и буржуазной революціи не было. Но завтра не возродятся профессіональные союзы рабочихъ, завтра не появится сплоченный классовой дисциплиной, мощный пролетаріатъ, завтра не будетъ всѣхъ тѣхъ условій, которыя необходимы для того, чтобы тенденція капитализма въ превращенію рабочаго класса въ пассивное стадо столкнулась съ классовой волей пролетаріата стать предпосылкой соціальной эмансипаціи человѣчества.

Иными словами, 5 лѣтъ большевизма въ гораздо большей мѣрѣ соціально ослабили пролетаріатъ, чѣмъ буржуазію. Ей легче было спастись и укрыться отъ большевистскаго урагана, чѣмъ пролетаріату.

Соціальное вырожденіе охватило всѣ классы Россіи. (Меньше всѣхъ отъ этого пострадало крестьянство.) Но если поставить рядомъ два класса-антагониста, то это сразу бросается въ глаза: не буржуазія, а пролетаріатъ больше всего пострадалъ въ этомъ процессѣ. Иначе говоря, относительная сила буржуазіи рѣшительно возросла. На сильно пониженномъ уровнѣ буржуазія относительно пролетаріата стала неизмѣримо болѣе мощной общественной силой. Въ борьбѣ между трудомъ и капиталомъ шансы послѣдняго рѣшительно возросли за счетъ перваго.

Именно поэтому Россія теперь рисуется какимъ то экономическимъ Эльдорадо для буржуазіи всѣхъ странъ. Въ чемъ же заключается соблазнъ Россіи? На этотъ вопросъ мы находимъ выразительный отвѣтъ въ спеціальномъ журналѣ, посвященномъ торговымъ сношеніямъ Германіи съ Восточными странами «Osteuropäische Wirtschafts-Zeitung». Мы находимъ тамъ слѣдующее положеніе: «Большевики не только на словахъ, но и на дѣлѣ въ цѣломъ рядѣ основныхъ декретовъ доказали свой возвратъ къ капитализму и въ общемъ и въ цѣломъ создали тѣ правовыя основы, безъ которыхъ не можетъ быть и рѣчи о вложеніи капитала. Конечно, не все еще сдѣлано и многое еще остается сдѣлать. Именно поэтому мы полагаемъ, что власть большевиковъ въ Россіи удержится. Въ этомъ состоитъ съ объективной точки зрѣнія историческій смыслъ ихъ современнаго существованія, ибо не можетъ быть ни одного буржуазнаго правительства, которое было бы въ состояніи возстановить старый капиталистическій порядокъ съ той энергіей, рѣшимостью, твердостью и съ надеждой на конечный успѣхъ, какія проявляютъ сейчасъ и въ будущемъ проявятъ еще въ большей мѣрѣ сами большевики.»

«Народъ ждетъ отъ государственной власти, что она его вернетъ къ нормальнымъ условіямъ жизни и труда. Въ Россіи нѣтъ никакой другой организованной и сильной группы, которая была бы въ состояніи осуществить ету задачу.»

Выходитъ, что съ точки зрѣнія капиталистическихъ интересовъ большевизмъ является той силой, которая какъ разъ призвана исторіей создать изъ Россіи капиталистическое государство, и этимъ открыть возможность для сношенія съ нимъ западныхъ капиталистическихъ государствъ. Именно большевизмъ, а на какая либо иная политическая группировка. Если это такъ, западно-европейскіе капиталистическіе круги заинтересованы въ сохраненіи того режима, который исторія такъ счастливо избрала въ качествѣ насадителя капиталистическихъ началъ.

Есть здѣсь одно обстоятельство, рѣдко высказываемое, но лежащее глубоко въ основѣ всего обаянія Россіи для иностраннаго капитала. Обстоятельство это заключается въ томъ, что въ основѣ своей процессъ, происходящій въ Россіи, есть процессъ психологическаго усмиренія рабочаго класса, который даетъ тѣмъ большій эффектъ, чѣмъ ближе усмирители были въ свое время къ буйственному подъему народныхъ массъ. Для хищнической эксплоатаціи гораздо важнѣе, чтобы изъ головъ рабочихъ вышибали всякое вольнодумство его же собственные пастыри, которые вчера подстрекали его ко всякаго рода міровымъ революціямъ. Это гораздо вы-

годнѣе, чѣмъ то положеніе, при которомъ вольный духъ вышибаютъ, пришедшіе на смѣну старымъ властителямъ, новые властители, чисто буржуазной чеканки. Рабочій скорѣе подчинится режиму безоглядной эксплоатаціи, проводимому «соціалистами» или коммунистами, чѣмъ тому же режиму, проводимому его исконнымъ классовымъ врагомъ — капиталистомъ. Изъ обычной практики фабричной администраціи извѣстно, насколько она предпочитаетъ въ качествѣ надсмотрщика и погонщика надъ рабочими имѣть какого нибудь бывшаго рядового рабочаго, который еще вчера былъ для нихъ «своимъ» человѣкомъ, стоявшимъ тутъ же у станка. Этотъ подтянетъ такъ, какъ не сдѣлаетъ любой, приглашенный со стороны, надзиратель. Точно также мы знаемъ, что въ тюрьмахъ наилучшими смотрителями, свирѣпо расправляющимися съ уголовными арестантами, является бывшій уголовный арестантъ.

Эта психологія стара, какъ міръ, какъ міръ рабства и угнетенія. И она то лежитъ въ основѣ того довѣрчиваго отношенія къ большевикамъ, которое приходится столь часто констатировать со стороны буржуазныхъ круговъ Европы: надъ каторжниками желаютъ имѣть въ качествѣ надзирателя наиболѣе толковаго, рѣшительнаго и свирѣпаго каторжника же.

Совсѣмъ иначе рисуется положеніе, при которомъ у власти въ Россіи стоитъ какое нибудь буржуазно-демократическое правительство. При немъ естественно развивается стихія классовой борьбы. При немъ начинается нудная, а главное — убыточная канителъ со всякаго рода свободами. При немъ рабочій классъ начинаетъ себя чувствовать классомъ и ничто классовое ему не нуждо. Это — одна сторона дѣла.

Съ другой стороны и само это буржуазно-демократическое правительство, именно потому, что оно буржуазное, относится болѣе бережно къ экономическимъ интересамъ мѣстныхъ имущихъ классовъ, и именно потому, что оно демократическое — къ общеэкономическимъ и правовымъ интересамъ всей страны въ цѣломъ.

Въ итогѣ такое правительство, въ отличіе отъ большевистскаго, куда менѣе способно къ возстановленію того капитализма, который нуженъ иностранному капиталу. И именно поэтому въ представленіи западно-европейской буржуазной мысли большевизмъ всегда фигурируетъ какъ творческое начало, а всякій иной соціально-политическій строй или совсѣмъ не мыслится, или мыслится какъ прямая помѣха дѣлу капитализаціи Россіи. Ибо въ конечномъ счетѣ русскій капитализмъ нуженъ, какъ капитуляція передъ капитализмомъ иностраннымъ, а вовсе не какъ са-

мостоятельное соціально-экономическое начало, направленное къ возрожденію Россіи для самой себя.

Во всякомъ случаѣ изъ всего предыдущаго можно съ полнымъ правомъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

Буржуазія осталась активнымъ факторомъ въ строѣ и развитіи соціальныхъ отношеній въ Россіи.

Буржуазія неизмѣримо сильнѣе стала относительно пролетаріата, чѣмъ она была до большевистской контр-революціи.

Русская буржуазія въ своемъ вліяніи на дальнѣйшій ходъ экономическаго и общественнаго развитія Россіи стала относительно иностраннаго капитала гораздо слабѣе.

IX.

ДРУЗЬЯ СОВѢТСКОЙ ВЛАСТИ.

Мы послѣдовательно разобрали всѣ основныя соціально-экономическія группировки совѣтской Россіи и испытанныя ими подъ вліяніемъ пяти лѣтъ контр-революціи метаморфозы. На кого же изъ нихъ опирается совѣтская власть? Гдѣ ея друзья?

Когда задаютъ подобные вопросы, то исходятъ изъ допущенія, часто безсознательнаго, что всякая власть обязательно должна на кого нибудь опираться, на какой нибудь общественный классъ. Самый фактъ существованія власти разсматривается какъ несомнѣнное доказательство того, что она на какія то серьезныя соціальныя группы опирается. Это отношеніе иногда даже выдается за марксизмъ, за матеріалистическое пониманіе исторіи. Между тѣмъ нѣтъ болѣе грубой методологической ошибки, чѣмъ эти квази-матеріалистическія дедукціи. Не потому имѣется соціальная опора подъ властью, что она существуетъ, а потому она существуетъ, что подъ ней имѣется соціальная опора. Эта послѣдняя должна быть показана и обнаружена и только тогда возможно индуктивнымъ путемъ осмыслить самъ по себѣ ничего не говорящій фактъ существованія данной власти.

Какъ же обстоитъ въ этомъ отношеніи дѣло съ совѣтской властью? Вопросъ этотъ не настолько простъ и ясенъ, чтобы на него сразу дать положительный отвѣтъ. Приходится идти методомъ исключенія и поставить вопросъ такъ: кто не поддерживаетъ совѣтскую власть? Ее не поддерживаетъ рабочій классъ. О соціальномъ и идеологическомъ разрывѣ между нимъ и большевизмомъ мы достаточно говорили выше. Ее не поддерживаетъ крестьянство. Оно никогда ее не поддерживало и состояніе жестокой войны между ними было и есть обычное состояніе. Ее

не поддерживала и не поддерживаетъ интеллигенція свободнаго умственнаго труда. Ее не поддерживаетъ крупная промышленная буржуазія, въ значительной мѣрѣ все еще находящаяся на нелегальномъ положеніи.

Остается буржуазія средняя и мелкая, толпы обалдѣвшихъ отъ нечаянныхъ удачъ нуворишекъ, воришекъ и воровъ, толпы валютчиковъ, разжившихся въ отставкѣ чекистовъ, чиновниковъ съѣдобныхъ отраслей управленія, спеціалистовъ, знающихъ гдѣ, сколько, какъ и у кого можно брать и гдѣ, сколько, какъ и кому можно дать. Это пестрая смѣсь соціальныхъ отбросовъ всѣхъ классовъ населенія, всѣхъ видовъ культуры и варварства отъ уличныхъ сутенеровъ до дворцовыхъ «баронессочекъ», отъ тщедушнаго сына черты осѣдлости до дороднаго уѣзднаго купчины, выпивавшаго 10 самоваровъ и торговавшаго «дегтемъ, хомутами и протчими галантирейными товарами». Это золотая молодежь перемѣшанная съ золоторотцами — шумная, жадная и наглая смѣсь племенъ нарѣчій, состояній.

Здѣсь въ этой, несомнѣнно огромной сейчасъ, паразитической массѣ надо искать соціальную опору совѣтской власти и здѣсь эту опору можно съ нѣкоторымъ трудомъ найти. Эта амальгама несомнѣнно должна быть заинтересованной въ существованіи совѣтской власти. Совѣтская власть, объективно говоря, ея власть. Но не только объективно. Совѣтская власть тысячью корней связана съ нею отношеніями родства, кумовства, воровства и знакомства. Они вмѣстѣ играютъ въ покеръ и въ столпы общества. Бывшій рабочій и бывшій великосвѣтскій пшютъ — первый въ качествѣ начальства, а второй въ качествѣ спеца при немъ — оба вмѣстѣ, какъ пара грибовъ, паразитируютъ на тѣлѣ Россіи. Эта масса становится и субъективно заинтересованной въ существованіи режима, при которомъ только и возможны эти неслыханныя художества распредѣлительно-потребительской свистопляски.

Покуда процессъ обогащенія носитъ такой авантюристскій характеръ, и въ основѣ его столь густо замѣшаны черты почти ничѣмъ неприкрытой уголовщины — до тѣхъ поръ участники этого первоначальнаго грабежа связаны священнымъ для всѣхъ сторонъ принципомъ: рука руку моетъ. Вся ихъ забота можетъ сводиться только къ тому, чтобы половчѣе и прибыльнѣе другъ друга надуть. И тѣмъ не менѣе они представляютъ собою одно цѣлое, которому пока еще крайне опасно распадаться на рядъ враждующихъ лагерей. Между властью и этими элементами мелкой и средней буржуазіи существуетъ какъ бы неписанный договоръ круговой поруки и одно-

стороннее его расторженіе является пока совершенно немыслимымъ.

Въ процессахъ консолидаціи соціальныхъ группъ и ихъ идеологій огромную роль играетъ элементъ давности.

Покуда та или иная соціальная группа носитъ на себѣ неизгладимую печать своего происхожденія изъ грабежа, кражи, рискованной авантюры, до тѣхъ поръ эта группа поневолѣ будетъ жаться въ сторону тѣхъ политическихъ силъ, подъ прикрытіемъ которыхъ всѣ эти художества были совершены. Должно пройти долгое время, покуда уголовное право на пріобрѣтенное не будетъ въ психикѣ этой, рожденной во грѣхѣ, группы вытѣснено гражданскимъ правомъ. Пріобрѣтенныя блага должны потерять этотъ тревожный ароматъ кражи и пыль времени должна покрыть запекшуюся на этихъ благахъ кровь ихъ прежнихъ собственниковъ. Только тогда можетъ наступить то душевное равновѣсіе прочнаго владѣнія, которое превращаетъ его изъ факта въ принципъ, изъ случайной удачи въ непреложный законъ, изъ милости начальства въ Промыселъ Божій. До этого завѣтнаго момента надо беречься всякихъ общественно-политическихъ пертурбацій, которые могутъ расшатать и безъ того непрочную опору новаго владѣнія. Какъ для воровской шайки страшна перемѣна состава сыскной полиціи, съ которой такъ или иначе,

путемъ подкалыванія слишкомъ ретивыхъ сыщиковъ и дѣлежа съ другими, налажены нормальныя отношенія, такъ и для такой соціальной группы опасны перемѣны политическаго режима.

Эта группа по необходимости консервативна. Она не столько любитъ старое правительство, сколько боится всякаго новаго. Дорвавшись до тѣхъ или иныхъ благъ, она хочетъ зажить спокойно, чтобы ничто ужъ болѣе не напоминало о характерѣ происхожденія этого блага.

Но нѣтъ спокойствія въ ея душѣ. И отсюда важныя экономическія послѣдствія. Это безудержное потребленіе, хаотическій размѣнъ богатства на безсмысленное личное потребленіе, отсутствіе всякаго производительнаго накопленія и капитальныхъ затратъ, пульверизація народнаго богатства, безуміе нервической роскоши, пьянство, кутежи, развратъ, буйный картежъ. Шальныя деньги и богатства, шальной способъ ихъ добыванія и шальные же методы ихъ затраты — все это неизбѣжные спутники эпохи первоначальнаго грабежа, когда деньги не лежатъ на мѣстѣ не только потому, что вслѣдствіе примитивной экономики, для нихъ нѣтъ спокойнаго, могущаго дать производственный приростъ, мѣста, но и въ значительной мѣрѣ потому, что сама душа ихъ владѣльца не на мѣстѣ и ему совершенно невозможно довѣриться

завтрашнему дню, который — чертъ знаетъ, какія таитъ въ себѣ бездны и провалы. Періодъ первоначальнаго накопленія пріобрѣтаетъ отвратительный характеръ безшабашнаго расточительства.

Въ такой общественной атмосферѣ уживаются рядомъ такія казалось бы противоположности, какъ жадность и мотовство. Но именно таковъ характеръ первоначальнаго россійскаго накопленія и общественная психологія широкихъ массъ, выросшихъ на большевизмѣ и изъ большевизма, скоробогачей.

Здѣсь въ настоящее время единственная общественная сила, которую совѣтская власть съ нѣкоторымъ правомъ можетъ считать своею.

Было бы ошибочно значеніе этой силы преуменьшать. Можно и нужно ее характеризовать въ самыхъ отвратительныхъ чертахъ. Но было бы неправильно на основаній такой характеристики ея умозаключать о ея соціально-политическомъ ничтожествѣ. Наоборотъ, сейчасъ она именно играетъ командующую роль, и ведя себя по лакейски съ властью, она по существу держитъ эту власть лакеемъ у себя. Власть совершенно увязла въ сѣтяхъ этого соціальнаго парвеню и не въ состояніи выскочить изъ обезьяньихъ лапъ, которыя однажды ее задушатъ.

Эта новая сила держится за власть, но находясь съ ней на короткой ногѣ она именно этимъ причиняетъ ей тяжкій уронъ. Она не борется съ властью — она ее разлагаетъ. Она полна сознанія собственной мерзости и именно методами соціально-бытового амикошонства бьетъ по чемъ попало совѣтскую власть. Это дружба хуже всякой вражды. Это трубочисты, заключающія въ свои объятія расфуфыренныхъ жеманницъ коммунизма, точно хотятъ при всемъ народѣ подчеркнуть, что незачѣмъ ломать комедію кисейной недотроги когда, что ни ночь, то отдѣльные кабинеты и весь къ сему полагающійся прикладъ.

И все же они поддерживаютъ совѣтскую власть. Они ругаютъ эмиграцію. Они въ восторгѣ отъ фрака Чичерина. Они противъ эс-эровъ... Тоже революціонеры — до сихъ поръ еще не убили Гришку Зиновьева. Оно, конечно, страшно, но очень интересно. Да и гадъ же этотъ Гришка. Они поддерживаютъ національное достоинство Россіи и не прочь подарданелить о нашихъ задачахъ на Ближнемъ Востокѣ. Они съ выраженіемъ постной элегичности взираютъ на жертвы большевистскаго террора среди соціалистической и демократической интеллигенціи и про себя благодарятъ Всевышняго, что Онъ не создалъ ихъ такими мытарями и грѣшниками, которые не только съ правительствомъ, но даже съ полиціей ладить не могутъ.

Они поддерживаютъ совѣтскую власть. Но они ее предадутъ. Подло и мерзко предадутъ въ банальной формѣ осточертѣвшаго «ножа въ спину». Уже и сейчасъ, глядя на этихъ своихъ друзей, совѣтская власть испытываетъ въ спинѣ отвратительное ощущеніе...

X.

НЭП-ОСВОБОДИТЕЛЬ.

НЭП сдѣлалъ это ощущеніе невыносимымъ. НЭП сталъ превращать концы большевизма въ конецъ совѣтской власти. Мы не можемъ здѣсь останавливаться на экономической роли НЭП'а. Здѣсь существуетъ много серьезныхъ разногласій. Оставимъ это. Остановимся на общественно-психологическихъ послѣдствіяхъ НЭП'а, на элементахъ соціальной психологіи, которая насъ преимущественно занимаетъ въ данной работѣ. Что же сдѣлалъ НЭП въ этомъ отношеніи?

Это была цѣлая революція. Заслуга новой экономической политики несомнѣнна. Она покончила съ утопіей коммунистической безгрѣшности и духовности. Она разложила строй благочестивой коммунистической лжи, сдѣлавъ невозможнымъ возвратъ къ прежнимъ экспериментамъ и соціальнымъ фанабе-

ріямъ. Она сорвала маски соціализма съ ловкихъ актеровъ, дурачившихъ невзыскательную аудиторію. Теперь послѣ НЭП'а только самые слѣпые могутъ не видѣть, что россійскіе правители дѣйствуютъ не во имя какого нибудь общественнаго идеала, а исключительно въ цѣляхъ самосохраненія. Кончена комедія именуемая «соціалистическимъ строительствомъ». И если въ Россіи нѣтъ, не можетъ теперь быть того капитализма, который подготовляетъ условія побѣды соціализма дѣйствительнаго, то зато имѣется съ позволенія сказать тотъ капитализмъ, котораго достаточно, чтобы похоронить соціализмъ мнимый. Комедія кончается и НЭП сдѣлалъ свое дѣло.

Но этимъ далеко не исчерпываются заслуги НЭП'а. Онъ оказалъ огромное вліяніе на массы хотя бы тѣмъ, что освободилъ ихъ отъ пайковаго прикрѣпленія къ власти. Паекъ всегда былъ элементомъ душевнаго, а вслѣдствіе этого и политическаго рабства заинтересованныхъ, мучительно ищущихъ пайка массъ. Можно какъ угодно относиться къ власти, раздающей пайки. Но покуда она ихъ раздаетъ, у ея порога просительно будутъ выстраиваться толпы и эти часы очередей, и эти страхи быть обдѣленнымъ не могутъ не разлагать нравственнаго сознанія, не могутъ не превращать людей въ робкихъ козлятокъ, благодарственно кормящихся съ рукъ добраго пастыря. Огромныя массы населенія пре-

вращались въ простыхъ содержанцевъ казны, кормились отъ подаянія власти и этимъ самымъ духовно ей закабалялись. НЭП выпустилъ людей изъ пайковой тюрьмы на волю частнаго и вольнаго рынка и хотя они здѣсь стали задыхаться, не умѣя управлять ослабленными въ тюремной неволѣ легкими, не имѣя возможности приспособиться къ жестокимъ условіямъ безпощадной борьбы за существованіе, все таки тюрьма смѣнилась волей.

Какъ ни ужасна соціальная зависимость населенія отъ новоявленныхъ хищниковъ и мародеровъ, она для дѣла раскрѣпощенія Россіи въ тысячу разъ лучше, чѣмъ политическая и моральная зависимость отъ большевистской власти. Недаромъ рабочіе при первой возможности бѣгутъ сейчасъ съ казенныхъ предпріятій на частныя. Милліоны людей, которые прежде вынуждены были протягивать руку власти, прося у нея пайковую корку хлѣба, протянутъ въ итогѣ къ ней свои угрожающіе кулаки. НЭП был освободителемъ отъ большевистской власти, отъ ея морально порабощающей силы и въ этомъ другая огромная его заслуга.

Властители это почувствовали, у нихъ появилась въ спинѣ отвратительное ощущеніе ожиданія предательскаго ножа. Зиновьевъ далъ выраженіе этому ощущенію въ своей

рѣчи на съѣздѣ Р. К. П., гомерически-циничной и не менѣе глупой.

Мы не станемъ ее здѣсь цитировать — обширныя выдержки изъ нея уже появились въ печати. Общій смыслъ этой рѣчи простой: насъ преодолѣли, насъ перехитрили, мы сами упустили огонь, нашъ коготокъ увязъ.

Что случилось? Ничего особеннаго. Былъ НЭП — собственными руками взрощенный НЭП. Но потому, что былъ и есть НЭП, пришли какіе то литераторы и стали выпускать книжки и даже журналы. Пришли студенты и стали дѣлать волненія — не волненія, а непріятности. Пришли кооператоры и стали дѣлать... кооперацію, но независимую. Пришли врачи, агрономы и всякіе прочіе интеллигенты и стали дѣлать независимое общественное мнѣніе. Пришли смѣновѣхисты и стали дѣлать большевизмъ, но съ прибавленіемъ — «національ». Наконецъ, пришли рабочіе и выкинули ужъ совершенно безобразную штуку. — Пришли рабочіе и вмѣсто всякаго коммунистическаго абіе-абіе стали твердить о своей нищетѣ, о низкой и неаккуратной платѣ и Богъ знаетъ о какихъ еще грубо матеріальныхъ вещахъ. Съ рабочими приключилось то, о чемъ писалъ поэтъ:

И звуки небесъ замѣнить не могли
Имъ скучныя пѣсни земли...

Вдобавокъ ко всему этому вся Россія съ ума сошла. Зиновьевъ этого не скрылъ. Въ тонѣ тихой грусти, тихой обиды и тихаго идіотизма - тожъ онъ говорилъ о томъ, что «сейчасъ преобладающимъ стремленіемъ въ массѣ является стремленіе къ сытой жизни, къ порядку, къ знанію»... Вотъ это ужасно!

Мы далеко не исчерпали подробнаго перечня болячекъ, которыя побудили Зиновьева столь горестно излиться.

Какъ оцѣнить эту слезницу? Въ печати были сдѣланы попытки приписать это слезоточеніе Зиновьева его гомерической трусости. Что и говорить, трусъ онъ первокласный! Но трусомъ онъ былъ всегда и все же всегда вельми храбрился. И вдругъ, эдакой припадокъ малодушія. Нѣтъ, не въ трусости тутъ дѣло, а въ томъ, что дни большевиковъ дѣйствительно сочтены.

Говоря это, надо опасаться возможныхъ недоразумѣній. Сочтенные дни — это не обязательно и недолгіе дни. Сочтенные дни это не обязательно «скоро». Но это поворотъ, переломъ, глубокая межа въ народномъ сознаніи, когда всѣ разстоянія и всѣ сроки, математически равныя, а можетъ быть и большія, чѣмъ по ту сторону межи, по **эту** сторону воспринимаются какъ гораздо меньшія и болѣе легкія. Когда на морѣ густой туманъ, то даже тогда, когда невидный берегъ совсѣмъ близокъ, робко и неувѣренно плыветъ

челнъ и грустью вѣетъ отъ склонившихся надъ веслами гребцовъ. Но вотъ туманъ разсѣялся и, пусть до берега еще очень далеко, пусть не одна буря злобно подстерегаетъ измученныхъ гребцовъ — всежъ гребется бодро и увѣренно, потому что берегъ виденъ, виденъ конецъ тяжелаго пути.

Во всякой революціи самымъ страшнымъ и убійственнымъ для деспотизма врагомъ является тотъ скромный тихій обыватель, который первымъ посреди ужасныхъ скорпіоновъ власти и угрозы ими вдругъ безъ всякой рисовки, почти зѣвая, произноситъ это ядовитое для деспотизма слово: наплевать...

Этотъ самый обыкновенный, тихій и скромный Иванъ Ивановичъ Ивановъ появился въ Россіи во множествѣ. Его создавалъ НЭП. Сравнительно скоро послѣ его возникновенія, разлагающая его сила оказалась настолько воликой, что по единодушнымъ свидѣтельствамъ въ Россіи перестали бояться ЧК. ЧК психологически умирала, какъ факторъ моральнаго устрашенія и подавленія всякаго движенія воли. Съ русскимъ народомъ случилось то, что можно выразить словами Толстого: «Не бойся, и не будетъ страшно». Ибо въ системѣ тиранніи важенъ не только, а иногда даже не столько фактъ ея физическихъ насилій, сколько то состояніе безнадежной скованности воли, та «пытка страхомъ», которыя превращаютъ человѣка въ не-

счастное, задавленное животное, не смѣющее и помыслить о томъ, что можно сбросить съ себя ярмо, что вообще существуетъ безъяремное состоянiе. Такъ, рабочiй волъ разсматриваетъ свое ярмо какъ одну изъ частей своего пытаемаго тяжелой работой тѣла.

До такого состоянiя русскихъ людей доводила совѣтская власть. ЧК было для нихъ ярмомъ изначальнымъ и какъ бы безконечнымъ. Но жива жизнь, и сроки тиранамъ начертаны, и судьбы ихъ предопредѣлены. Наступаетъ моментъ и становится «не страшно». Перестаютъ бояться, и то, чего боялись, теряетъ жало свое.

Пришли однажды къ Ивану Ивановичу Иванову и сказали ему: а знаете, Иванъ Ивановичъ, вы за это можете угодить въ ЧК. А Иванъ Ивановичъ Ивановъ — возьми да скажи:

— Наплевать...

Это слово въ Россiи произнесено. Послѣ этого деспоты начинаютъ дрыгать ногами, отъ чего погибаетъ множество народу, но до чего либо иного, кромѣ болѣе или менѣе внезапнаго карачуна, деспотизмъ послѣ этого додрыгаться уже не можетъ. Дорого обходятся народамъ предреволюцiонные Протоповы, Щегловитовы и Уншлихты. Но платя эту цѣну крови и безмѣрныхъ страданiй, народъ все таки чувствуетъ, что уже поворота нѣтъ, что межа перейдена и что чѣмъ

болѣе будетъ безумствовать деспотъ, тѣмъ вѣрнѣе и скорѣе онъ будетъ сметенъ волною надвигающагося возмездiя. Платя эту цѣну крови, страна воспринимаетъ ее ужъ не какъ дань прошлому, а какъ жертву во имя будущаго.

Такова теперь Россiя. Зиновьевъ ничего не преувеличивалъ. Я не читалъ книги Тарле о цензурѣ при Наполеонѣ III, о которой говорилъ Зиновьевъ, какъ объ обходѣ совѣтской власти. Я совсѣмъ не думаю, чтобы и авторъ и его книга были направлены къ сверженiю совѣтской власти. Но несомнѣнно: все это свергаетъ совѣтскую власть. Тарле, Сорокинъ, Тахтаревъ, Изгоевъ и многiе другiе упомянутые Зиновьевымъ писатели и ученые уже тѣмъ самымъ свергаютъ совѣтскую власть, что пишутъ книги, а читатели ее свергаютъ, потому что они не лживую, не коммунизмомъ мазанную книгу читаютъ. И нѣтъ возврата, потому что все ужъ однажды было запрещено какъ нельзя строже, все было уже разъ задушено, прибито, разстрѣляно и все воскресло, воскресаетъ тысячью неуловимыхъ на чеку путей, струится, извивается подъ землей, выходитъ наружу, вновь уходитъ въ землю, чтобы появиться вновь на поверхности болѣе широкимъ потокомъ, который однажды сорветъ всѣ плотины.

Перечисленные Зиновьевымъ факты не бунтъ и не революцiя, но вѣрные, роковые

предвѣстники конца большевизма. Этого не унять надолго никакими пароксизмами репрессій. И сама рѣчь Зиновьева только свидѣтельство той разлагающей деспотизмъ силы, какую всего послѣ года дѣйствія НЭП'а пріобрѣли начальныя формы освобожденія отъ того «внутренняго жандарма», который составляетъ завѣтную цѣль жандарма внѣшняго.

Какъ ни ужасенъ НЭП по своимъ разрушительнымъ и примитивно хищническимъ формамъ, онъ явился огромной силой, развязавшей не только частно-стяжательскія способности и наклонности, но и общественно-культурныя тенденціи великой страны. Въ обстановкѣ политическаго рабства малѣйшая, самая скромная вибрація общественно-культурныхъ силъ не могла не оказаться объективно антиправительственной. Такъ всегда вынужденныя уступки абсолютизма, не разрѣшая историческихъ задачъ народа въ реформѣ, помогаютъ ему ихъ разрѣшить въ революціи.

Для совѣтской власти теперь остается только одинъ путь уничтоженія процесса консолидаціи враждебныхъ ей силъ. Это рѣшительное уничтоженіе НЭП'а. Но НЭП неуничтожимъ. Это адская машина, которая не имѣетъ обратнаго хода. Торжественно провозглашенная «остановка экономическаго отступленія» превратилась въ болѣе ускоренное, болѣе развязное дальнѣйшее развертываніе

НЭП'а. Остановки нѣтъ и быть здѣсь не можетъ. Ѣдкая кислота частно-хозяйственной инициативы, капиталистическихъ формъ, хотя бы и безумно искаженныхъ, экономической жизни будетъ автоматически разлагать власть и тѣмъ самымъ порождать соблазны оппозиціи во всѣхъ классахъ населенія.

Пускай НЭП приводитъ вновь обогащающіеся элементы къ нѣкоторой субъективной заинтересованности ихъ въ существованіи совѣтской власти, которая такъ чудесно вывела ихъ изъ грязи въ князи — объективно нэпманъ роетъ могилу своимъ пестунамъ. Онъ творитъ соблазны свободы для всей страны. Но и онъ самъ, доигравшись до чертиковъ когда все ужъ будетъ разграблено, разворовано и насквозь проспекулировано, начнетъ тереть себѣ лобъ и однажды возропщетъ: клади объ это самое мѣсто конституцію. Иначе въ концѣ концовъ ухнетъ все его богатство. А если до того общественно-революціонное движеніе приметъ болѣе интенсивныя формы, непманъ, прочности своего капитала ради, начнетъ такъ тормошить своихъ пестуновъ докучной непофрондой, что демократическимъ силамъ останется только расширять эту щель между непманомъ и властью, чтобы она превратилсь въ непроходимую пропасть.

Непманъ обязательно превратится и частью уже превращается въ буржуа, который ужъ не чувствуетъ непріятной исторіи про-

исхожденія своего богатства. Идутъ мѣсяцы, а тамъ пройдетъ пара-другая лѣтъ и начнутъ дѣйствовать законы давности и улетучится тотъ разбойно-воровской запахъ, который раньше заставлялъ его поневолѣ прыскаться духами совѣтской власти и при каждомъ своемъ выходѣ въ свѣтъ дѣлать себѣ большевистскую прическу. У него будетъ система пріобрѣтенныхъ правъ на свою частную собственность и онъ начнетъ нагличать не только противъ агента ЧК, но и противъ агента Совнаркома. Онъ перестанетъ узнавать своихъ знакомыхъ дней грабежа и разбоя, начнетъ меценатствовать и вмѣстѣ съ тѣмъ фрондировать. Онъ самъ ничего реальнаго не сдѣлаетъ, но онъ разрыхлитъ почву подъ общественнымъ движеніемъ, онъ будетъ искать для врученя солидной суммы самаго лѣваго революціонера и страшно, что онъ пожалуй набредетъ на Александра Шрейдера...

До своего общественно-политическаго оформленія непманъ переживетъ не мало страшныхъ минутъ. Не разъ и не два онъ будетъ попадать въ чрезвычайку во славу лѣвыхъ ословъ коммунизма, въ качествѣ козла отпущенія со стороны правыхъ его ословъ. Эти встряски будутъ для него полезительны, какъ лишнее напоминаніе о нѣкоторыхъ элементарныхъ законахъ общественнаго развитія. Онъ долженъ будетъ понять, что невозможенъ капитализмъ милостью начальства. Онъ увидитъ, что при совѣтскомъ строѣ капитализмъ еще большая утопія, чѣмъ коммунизмъ. Онъ пойметъ, что большевики, ранѣе занимавшіеся коммунистическими экспериментами, нынѣ занимаются тѣми же... экспериментами, но... капиталистическими. Провалились коммунистическіе, проваливаются и капиталистическіе. Потому что на почвѣ большевизма возможны только эксперименты, соціальное озорство, но не возможны никакія органическія формы соціально-экономическаго развитія. Р. К. П. никогда въ Россійскую Капиталистическую Партію не превратится, какъ бы она ни старалась казаться ласковой и ручной русскимъ и иностраннымъ капиталистамъ. Капитализмъ, какъ «передышка», какъ маневръ, какъ «стратегическое отступленіе» — это нонсенсъ, это утопія. Но утопія гораздо болѣе безчестная, чѣмъ коммунизмъ. Утопія-обманъ, утопія-надувательство еще болѣе безнадежная утопія, чѣмъ утопія-иллюзія, утопія-самообманъ. Онъ уже, благодаря безпрерывнымъ кризисамъ, замѣчаетъ, какъ большевики шлепнулись въ лужу въ погонѣ за синей птицей капитализма, какъ раньше шлепнулись въ погонѣ за синей птицей коммунизма. Ибо ни тотъ, ни другой-совѣтской ввласти не данъ. Ей данъ только экспериментъ.

Нэпману это надоѣстъ. Освободившись отъ непріятныхъ воспоминаній дней своей

юности, непманъ ощутитъ въ душѣ своей пылъ гражданскаго и политическаго негодованія. Онъ пойдетъ противъ совѣтской власти. Онъ станетъ однимъ изъ элементовъ революціи противъ совѣтскаго режима.

XI.

НЕИЗБѢЖНОЕ.

Революціи? Я вижу, какъ при этомъ словѣ вытягиваются лица... Какъ, революціи? Развѣ это возможно? спрашиваютъ одни. Развѣ это не гибельно? спрашиваютъ другіе. Развѣ не лучше идти къ цѣли мирными методамъ на основѣ эволюціи совѣтской власти? — предлагаютъ третьи. Надо во всемъ этомъ разобраться. Для этого полезно вспомнить позицію революціонныхъ партій въ эпоху самодержавія. Никто изъ нихъ никогда не отрицалъ, что въ тискахъ самодержавія Россія все же серьезно эволюціонируетъ въ сторону высшихъ формъ экономической, культурной и общественной жизни. Не отрицалъ никто и того, что самодержавный режимъ дѣлаетъ вынужденныя уступки странѣ и ея прогрессивнымъ элементамъ, подталкиваемый на это не только страхомъ передъ нароставшимъ революціонымъ движеніемъ, но и неустранимыми нуждами своего собственнаго хозяйственно-экономическаго и административно-политическаго аппарата. Не было, однако, въ Россіи ни одного соціалиста и революціонера, которые вслѣдствіе этой несомнѣнной эволюціи режима отказались бы отъ революціоннаго отношенія къ самодержавію, отъ увѣренности въ революціонномъ его концѣ и отъ необходимости вложить всѣ свои силы въ дѣло революціи. Почему?

Потому что они любили дѣлать революцію, были ея профессіоналами и ничего другого, кромѣ революціи, дѣлать не умѣли и не хотѣли? Да, такихъ среди нихъ было не мало. Но это преимущественно были большевики, которые и революцію дѣлали по особому: «готовили» вооруженное возстаніе, назначали его на разные сроки, морочили голову себѣ и другимъ всякими боевыми «тройками», «пятками» и т. д. Но другіе съ этимъ пониманіемъ революціонныхъ задачъ боролись, надъ этой революціонной стряпней издѣвались. Потому что революція была для насъ не полирующей кровь забавой и не профессіональнымъ увлеченіемъ, а тяжелымъ, неизбѣжнымъ кризисомъ, который нельзя «дѣлать», но къ которому надо быть готовымъ во всеоружіи ясныхъ цѣлей, ясной, соотвѣтствующей историческому моменту, соціально-политической программой и трезвой, учитывающей соотношеніе общественныхъ силъ,

тактикой. Насъ тогда за это называли плохими революціонерами.

И вотъ этими «плохими революціонерами» необходимо остаться и впредь, покуда надъ Россіей тяготѣетъ кошмаръ совѣтской власти. Мы не готовимъ вооруженнаго возстанія противъ большевиковъ и не дѣлаемъ противъ нихъ революціи не потому что совѣтскій строй самъ по себѣ постепенно превратится въ нѣкое политическое и государственное совершенство, что мы возлагаемъ надежды на его пресловутую эволюцію, а потому, что всякая революція, которая дѣлается, дѣлается всегда изъ рукъ вонъ плохо и приводитъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Дѣлать можно выкидышъ, но не роды. Партіи, стремящіеся къ новымъ прогрессивнымъ формамъ политической и соціальной жизни, могутъ имѣть успѣхъ только какъ выразители организованныхъ и сознательныхъ массъ, а не какъ штабы храбрыхъ заговорщиковъ и вспышкопускателей.

Революція всегда стихія и эта стихія роковой удѣлъ деспотическихъ режимовъ, потерявшихъ опору въ производительныхъ слояхъ народа и опирающихся преимущественно на штыки. Но таковъ именно совѣтскій режимъ. Не было еще въ исторіи ни одной деспотіи, которая мирно окончила бы дни свои. Почему этотъ историческій законъ не писанъ для совѣтской деспотіи? Какія особенности

исключаютъ его изъ подъ дѣйствія этой роковой судьбы?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, большевистскій режимъ будетъ идти на уступки и не только экономическія. Будутъ и уступки, если не политическія, то юридическія. Уменьшитъ ли это остроту ненависти къ нему, избавитъ ли это Россію отъ новаго революціоннаго кризиса? Смѣновѣховцы, непманы и меньшевики пока весьма на это расчитываютъ. Они надѣются, что эволюція замѣнитъ революцію. Такъ въ свое время буржуазныя партіи возлагали надежды на эволюцію самодержавія. Но тогда революціонеры понимали то, чего многіе изъ нихъ теперь не понимаютъ: эволюція деспотическаго режима не связываетъ, а развязываетъ силы революціи, реформы его достаточны для того, чтобы укрѣпить народъ въ борьбѣ съ ненавистной властью и совершенно недостаточны для того, чтобы народъ съ властью примирить. Такъ и большевики доеволюціонируютъ до революціи.

НЭП былъ очень крупной для большевиковъ реформой. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что развязавъ нѣсколько частную инициативу, ослабивъ крѣпостное положеніе рабочихъ, освободивъ сотни тысячъ людей отъ пайковаго пресмыканія передъ власть имущими, НЭП и т. н. «хозяйственный расчетъ» только усилили соціально-политическое броженіе въ

странѣ и вмѣстѣ съ нимъ ненависть и презрѣніе къ власти.

Въ Россіи при Николаѣ шла борьба за реформы. Но только утописты либерализма могли радоваться, а утописты соціализма могли огорчаться по тому поводу, что эти реформы будто дѣлаютъ революцію невозможной. Событія показали, что напрасно первыя радовались, а вторые огорчались. Эволюціонируя, самодержавіе доэволюціонировало до революціи.

Дѣло однако въ томъ, что большевистскій режимъ настолько прогнилъ, что даже самыя куцыя реформы Николая II являются для него немыслимой смѣлостью. Въ этомъ отношеніи большевики опытнѣе другихъ деспотовъ. Они знаютъ, что уступками нельзя успокоить порабощенныя массы. Отсюда какъ будто нужно сдѣлать тотъ выводъ, что народъ, которому власть неспособна дать никакой передышки въ видѣ хотя бы куценькихъ реформъ, такой народъ не въ состояніи справиться съ тяготѣющимъ надъ нимъ рабствомъ. Но выводъ приходится сдѣлать тутъ другой, а именно: въ такой странѣ революція можетъ принять очень тяжелую форму, ибо в нее вступитъ народъ слабо организованный, полный отчянія. Въ такой странѣ ужасны будутъ муки родовъ и не одна конвульсія будетъ трепать несчастный народъ.

Здѣсь трудно быть пророкомъ и рисовать заранѣе какія нибудь детальныя картины. Но мы не пророки, мы не назначаемъ сроковъ революціи. Мы только утверждаемъ одно: меньше, чѣмъ какой бы то ни было другой деспотическій режимъ большевики оставляютъ народу иныя возможности, кромѣ самой рѣшительной и можетъ быть весьма жестокой по формамъ своимъ революціонной борьбы. Революція всегда актъ отчаянія и никогда актъ расчета. Россіи большевики оставили только этотъ путь. Поэтому не мы хотимъ революціи, а совѣтская власть. И она ее получитъ. И чѣмъ упорнѣе будетъ сопротивленіе власти, тѣмъ печальнѣе будетъ ея конецъ.

Значитъ ли это, однако, что нужно умыть руки въ ожиданіи этого конца? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Признавъ неизбѣжность революціонной ликвидаціи совѣтскаго строя нужно къ этой мысли готовить способныя и готовыя насъ слушать массы. Нужно разоблачать всѣ иллюзіи о возможности какого нибудь соглашенія съ поработителями Россіи, нужно готовить массы къ революціи, чтобы въ моментъ, когда она вспыхнетъ, нашлось бы достаточно сознательныхъ кадровъ, способныхъ направить революціонныя массы въ русло творческой работы. Нужно идти навстрѣчу неизбѣжному, повернувшись къ нему не задомъ, а лицомъ.

Малодушными стенаніями на тему о томъ, какъ это ужасно, что Россіи вновь придется пережить страсти революціи, мы ни на іоту не уменьшимъ ея роковую неизбѣжность. Достигнуть же мы можемъ этими малодушными причитаніями только одного: въ моментъ взрыва ярость можетъ направиться противъ всѣхъ, кто постарается отлить выступленія массъ въ сколько нибудь разумныя формы. Вспомнимъ, какъ безсиленъ былъ либерализмъ, мечтавшій какъ нибудь обойтись безъ революціи, въ моментъ когда она разразилась.

Существуетъ, однако, широко распространенное мнѣніе о томъ, что ни на какую революцію русскій народъ ужъ не способенъ. Онъ этого не хочетъ и онъ этого не можетъ. Въ Россіи нѣтъ почвы для революціонной ликвидаціи большевизма. Стало быть о томъ, чего нѣтъ и чего быть не можетъ, безсмысленно и говорить.

Предположимъ, что люди, такъ говорящіе, правы. Тогда изъ этого возможенъ только одинъ выводъ, а именно: Россіи спасенія нѣтъ. Россія будетъ все ниже и ниже опускаться, дичать, вымирать и вырождаться, покуда не придетъ какой нибудь иностранный завоеватель, который безъ труда справится съ безсильно вянущимъ народомъ и безнадежно разоренной страной. Россія кончится, и неизвѣстно когда вновь начнется. И это надо имѣть въ виду: тотъ, кто вѣщаетъ о

невозможности въ Россіи революціоннаго сверженія совѣтской власти, тотъ тѣмъ самымъ пророчитъ Россіи смерть, независимо отъ того, сознаетъ ли онъ это или нѣтъ.

У Россіи другого выхода, кромѣ революціоннаго нѣтъ. Но если и этотъ выходъ ей не данъ, тогда гибель націи. Недостаточно однако сдѣлать такой мрачный выводъ, чтобы только на основаніи этого сказать, что неправильна была предпосылка. Примѣры гибели ввеликихъ государствъ и націй въ исторіи бывали. И погибали они именно потому, что не въ состояніи были справиться со своими внутренними, политическими и соціальными язвами. Слѣдовательно теоретически, если правы тѣ, которые утверждаютъ, что въ Россіи новая революція невозможна, теоретически возможна и гибель Россіи. Но, надо это имѣть въ виду, только теоретически. Потому что въ эпоху мірового капиталистическаго хозяйства невозможны гибель и запустѣніе страны, богатства которой и рабочая сила составляютъ неотторжимую часть мірового экономическаго единства. Безъ Россіи, живой, работающей и производящей, нѣтъ мірового хозяйства. Съ точки зрѣнія его неумолимыхъ требованій Россія не имѣетъ права на смерть. Если намъ умирать ни по чемъ, то міровая экономика, интересы всего человѣчества, намъ умереть не позволятъ. Если мы сами не поднимемся на ноги,

тогда насъ такъ хватятъ по башкѣ, что хочешь не хочешь, а стоять будешь. Подъ кнутомъ, а работать для мірового рынка насъ заставятъ. И если вѣрно, что невозможно развитіе народнаго труда и производительныхъ силъ страны безъ минимума свободы, а это безусловно вѣрно, то раньше или позже, но Россія этотъ минимумъ завоюетъ.

Въ вѣкъ мірового капиталистическаго хозяйства, при сильномъ развитіи элементовъ соціалистическаго хозяйства народы не только имѣютъ право быть свободными, но они и обязаны быть свободными. Поэтому у Россіи есть два пути: или самому сбросить съ себя ярмо совѣтской власти, чтобы міровой капиталъ, безъ котораго мы жить не можемъ, пришелъ въ страну свободную и договаривался бы со свободнымъ народомъ, или же ждать, покуда большевиковъ сбросить міровой капиталъ, обложивъ Россію за это исполинской данью и эксплоатируя ея богатства въ ущербъ русскому труду и русскому капиталу. Иными словами: или революція или интервенція — третьяго пути нѣтъ. Поэтому когда противники революціонной борьбы съ совѣтской властью, оказывающіе ей рядъ самоотверженныхъ и еще болѣе преступныхъ услугъ, кричатъ изо всѣхъ силъ противъ интервенціи, то объективный результатъ ихъ печальныхъ стараній идетъ какъ разъ въ пользу интервенціи. Каждый шагъ, каждое движеніе въ пользу совѣтской власти, хотятъ ли этого услужающіе или не хотятъ усиливаютъ шансы иностранной интервенціи, которая скрутитъ большевистской власти шею, если этого безъ непрошенныхъ помощниковъ и до ихъ прихода не сдѣлаетъ самъ русскій народъ.

Но сдѣлаетъ ли онъ это? Мы думаемъ, что сдѣлаетъ. Потому что революціонная борьба противъ большевизма ни на одинъ день не прекращалась.. Она слишкомъ часто принимала нелѣпыя, порою весьма вредныя формы. Но не было въ исторіи еще ни одной «правильной» революціи. Фактъ одинъ: Россія не успокаивается, бурлитъ и клокочетъ. Сегодня это неутихающій огонь крестьянскихъ возстаній, завтра это военный походъ рабочихъ и крестьянскихъ дружинъ противъ красныхъ, сегодня это Кронштадтъ, завтра цѣлая полоса рабочихъ забастовокъ. Сегодня это безпорядки въ связи съ изъятіемъ или грабежемъ церковныхъ цѣнностей, завтра это политическія и національныя движенія на окраинахъ. Но все вмѣстѣ, независимо отъ нашего отношенія къ отдѣльнымъ моментамъ этой неутихающей борьбы, вливается въ единную стихію, въ которой совѣтская власть однажды найдетъ себѣ смерть.

Она можетъ пасть отъ одного толчка въ столицѣ, и этотъ толчекъ можетъ быть возстаніемъ голодной арміи, которая всегда спа-

саетъ власть только для того, чтобы однажды ее погубить. Она можетъ внезапно пасть отъ забастовки даже тѣхъ жалкихъ желѣаныхъ дорогъ, которыя еще дѣйствуютъ. И тогда, въ моментъ, когда власть сильно зашатается, вырвутся наружу сразу безъ малодушной оглядки вся ненависть и все презрѣніе къ ней многомилліонной массы совѣтскихъ служащихъ. Тотъ, кто жилъ въ мѣстностяхъ, гдѣ большевикамъ приходилось худо отъ наступленія вражескихъ силъ, тотъ знаетъ, какъ этотъ внезапный поворотъ легко совершается.

Было бы глупо гадать о началѣ этого конца, но преступно съ нимъ въ какой бы то ни было формѣ бороться.

*

Три силы борятся за обладаніе Россіей: большевистская власть, иностранный капиталъ и русскій народъ.

Путь первой — деспотизмъ.

Путь второго — интервенція.

Путь третьяго — революція.

Третій путь — крестный путь. Это несчастье народовъ, обреченныхъ деспотизму. Это историческая мука, но и рокъ, отъ котораго нельзя убѣжать. Это стихія, которую нельзя заговорить.

Россія еще не испила чаши испытаній. Всякій лишній день совѣтской власти дѣлаетъ эту неотвратимую развязку болѣе тяжкой и мучительной, болѣе страшной не только для большевиковъ, но и для Россіи. Но черезъ это проклятье наше нельзя не пройти. Революція не игрушка. Это изступленіе духа исторіи. Это трагедія. Но лжецы, обманывающіе прежде всего самихъ себя, тѣ, которые думаютъ отвернуться отъ Рока.

Отъ него не уйти.

Н а д о к о н ч и т ь р е в о л ю ц і ю. Надо, наконецъ, выйти на широкую дорогу созидательнаго творчества. Точно сама земля русская и небо надъ ней стонутъ, молятъ о покоѣ. Надо кончить революцію. Но именно кончить, а не бросить историческую задачу тогда, когда все покатилось назадъ въ итогѣ контр-революціоннаго изступленія большевизма.

Надо кончить революцію!

5 лѣтъ тому назадъ русская революція не кончилась — она только потерпѣла пораженіе. Но пораженіе революціи не конецъ ея, какъ и побѣда революціи не всегда ея конецъ. Наоборотъ — 5 лѣтъ тому назадъ мы только увидѣли, какъ далекъ этотъ конецъ, какъ много еще прольется крови и ляжетъ борцовъ, покуда этотъ конецъ ея наступитъ. И здѣсь опять надо вспоминить про

войну, на которой слѣдуетъ учиться всѣмъ революціонерамъ. Сколько разъ послѣ сильнаго пораженія, послѣ великихъ битвъ казалось: вотъ онъ, конецъ! Сколько было слабыхъ, малодушныхъ людей, которые укрывались формулой: лучше страшный конецъ, чѣмъ страхъ безъ конца! Война не кончалась ни послѣ самыхъ «рѣшительныхъ пораженій», ни послѣ самыхъ «рѣшительныхъ побѣдъ». Была «воля къ побѣдѣ», а не только къ побѣдамъ. Былъ тотъ «жюскобутизмъ», котораго такъ недостаточно у многихъ и у многихъ противниковъ большевизма, и который такъ нуженъ во всякой политической борьбѣ. Была та закаленность воли, которая позволяла послѣ самыхъ трагическихъ неудачъ, послѣ сокрушительныхъ ударовъ, послѣ того, какъ цѣлые народы цѣликомъ теряли свою родину и переселялись въ другія страны, констатировать простую, но духовно мощную пстину: это всего только пораженіе.

Развѣ пораженіе въ борьбѣ — конецъ борьбы? Развѣ пораженіе революціи — конецъ революціи? Октябрь 1917 года также мало знаменуетъ конецъ русской революціи, какъ мало знаменовалъ ея конецъ мартъ 1917 года.

*

Въ эти гнусныя минуты, когда совѣтская власть разыгрываетъ пошлую комедію юбилея «пролетарской революціи» начинаетъ казаться, что въ святомъ неистовомъ гнѣвѣ исторія бьетъ насъ безпощадно по чемъ попало, приговаривая:

Довольно пошѣхонства, лѣни, разгильдяйства!

Довольно суе-пусто-и-блудословія!

Довольно восточной покорности злу!

Довольно — или я васъ превращу въ навозъ для другихъ народовъ!

Въ далекихъ мертвыхъ, умирающихъ, холоднымъ вѣтромъ остуженныхъ равнинахъ родимой земли скоро ли услышитъ народъ русскій эти предостерегающіе клики исторіи?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НАЧАЛА.

КОНЦЫ.

Складъ изданія: Книжный складъ „Грани"
Berlin-Charlottenburg 2, Bleibtreustrasse 41.

St. Iwanowitsch:
Fünf Jahre
Bolschewismus.